

Наталья Солнцева

Шулер с бубновым тузом

Глория и другие

Наталья Солнцева

Шулер с бубновым тузом

«АСТ»

2013

Солнцева Н. А.

Шулер с бубновым тузом / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2013 — (Глория и другие)

ISBN 978-5-17-080987-5

Мы слишком часто даем обещания, может быть потому, что значительно реже их выполняем. Но обещание данное умирающему отцу – это святое... Даже если при его жизни ты не был самым послушным и сговорчивым сыном.. А потом... кто ж мог предположить, что такая простая просьба отца – позаботиться о сводной сестре – превратится для его единственного сына Николая в череду невероятных и опасных приключений. Герои, прочитанных в юности книг: граф Калиостро, Миледи, Мария-Антуанетта, вдруг настойчиво заявят о себе, ворвавшись в такую понятную и лишенную всяческой мистики жизнь молодого человека. Они потребуют помощи в возвращении украденных когда-то бриллиантов. Испуганный и совершенно растерянный Николай Крапивин обратится к ясновидящей Глории с просьбой о помощи. Но та лишь предложит «оживить» картину «Шулер с бубновым тузом», переодевшись в ее героев и терпеливо ждать... Порой ожидание – это самое быстрое и правильное решение всех проблем... В книгу вошел также отрывок из следующего романа «Джоконда и Паяц».

ISBN 978-5-17-080987-5

© Солнцева Н. А., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
История Николая Крапивина	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Старый Крым	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Подмосковье, деревня Черный Лог	44
Глава 9	49
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Наталья Солнцева

Шулер с бубновым тузом

«Я, верно, болен – все на сердце туман.

Мне скучно все – и люди и рассказы.

Мне снятся королевские алмазы...»

(Николай Гумилев)

*Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения
случайны и непреднамеренны.*

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша *Наталья Солнцева*

Глава 1

– Теперь ты принадлежишь мне, – хрипло засмеялся он. – Ты – моя собственность. Будешь выполнять все мои приказания! Иначе тебе конец, крошка. Я могу сделать с тобой все, что захочу. Захочу – заставлю любить себя. Захочу – убью...

Она молчала, дрожа от страха и обиды. Ее поставили на кон, словно пачку купюр или стопку фишек, словно вещь, которой распоряжаются другие.

Новый хозяин погрозил ей пальцем.

– Ты сама виновата. Ввязалась в чужие игры! Чего тебе не хватало? Денег? Приключений? Твоя неумная похоть и страсть к роскоши сыграли с тобой дурную шутку, крошка. Ну-ка, покажи, что у тебя там?

С этими словами он потянулся к застежке ее кофточки. Она отшатнулась, прижалась к спинке дивана. Новый хозяин грубо схватил ее за плечо, она вскрикнула от боли и зажмурилась.

– Не дергайся! – рявкнул он. – Хуже будет!

Показалось, что она снова попала в руки палача, который не знает жалости. Он просто выполняет свою работу. Сотни глаз, жадных до кровавых зрелищ, уставились на ее обнаженное тело. Свистит плетель, обжигая кожу, каждый удар сопровождается возбужденными вздохами толпы. А тут же, на деревянном помосте, помощник палача раздувает угли, готовит ей пытку раскаленным железом...

– Делай, что я скажу! – потребовал новый хозяин. – Раздевайся... не строй из себя недоτροгу. Тебе это не впервой. Я ведь знаю тебя, как облупленную.

Он заставил ее снять одежду и лечь. Прежде чем приступить к делу, долго водил рукой по ее груди, приговаривая:

– Я не ошибся, крошка. Вот оно, тавро грешницы... *знак проклятия*, наложенный на тебя судьбой. Я искал его... Что, боишься меня?... Бойся! Я – твой вечный кошмар! На сей раз тебе не удастся ускользнуть. Давай, люби меня, как ты умеешь...

Он обрушился сверху, словно голодный зверь. Все свершилось бурно и быстро. Она поразилась своему бесчувствию. Как будто это происходило не с ней, а с какой-то другой женщиной. У человека, который овладел ею, было много лиц, забытых, любимых и ненавистных.

– Не вздумай сбежать от меня, крошка! – хмуро пригрозил хозяин. – Достану и порежу на кусочки. От меня не скроешься. Поняла?

Она послушно кивала, послушно одевалась, наливала ему коньяк.

– Ты не очень-то и сладкая, – протянул он, соловоя от выпитого. – Я ожидал большего. Что, растеряла былой пыл? Не мудрено. С твоим послужным списком можно стать героиней романа. А ты обычная стерва, готовая переспать с каждым, кто хотя бы накормит досыта. Я угадал?

Она заплакала от ужаса и безысходности. Неужели ее мучения никогда не закончатся?

– Ну, теперь я сподобился, попробовал твоего тела, и мы можем поговорить по душам. Ты дорогого стоишь, несмотря на нищету. Ха-ха-ха-ха! Мне известно, в чем твоя изюминка. И я доковыряюсь до нее, даже если мне придется для этого испортить всю булочку! Ха-ха-ха-ха! – Его развеселила собственная шутка. – Давай, колись! Не то плохо кончишь. Ты знаешь, что такое боль и страх... и первое, и второе я обеспечу тебе в избытке.

– Что вы от меня хотите? – давась слезами, вымолвила она.

– Прикидываешься дурочкой? Не пройдет.

– Клянусь, я ничего не понимаю...

– Ах, так, да? – рассвирепел он, с силой тыкая ее пальцем пониже ключицы. – Значит, ты все забыла? Маленькая подлая лгунья! Я найду способ помочь тебе вспомнить...

* * *

История Николая Крапивина

О том, что у меня есть сестра, я узнал из предсмертного письма моего отца, – человека сурового, немногословного, но твердого в изъятии своей воли.

Я стал поздним и единственным ребенком в семье. Родители избаловали и распустили меня, как только возможно разбаловать и распустить долгожданного отпрыска. Отец уже не чаял заполучить у судьбы этот вожеленный подарок – ребенка, сына, который унаследует заработанные им деньги и продолжит его фамилию.

К чести моей ласковой и заботливой матушки могу сказать, что она сумела вовремя остановиться, дабы не испортить меня окончательно. Я получил приличное образование, овладел двумя языками, – французским и английским, – побывал за границей, где не только бездельничал и слонялся по ночным клубам, но перенимал опыт коммерческих операций по оптовым закупкам и недвижимости, которыми занимался мой отец, Андрей Никитич Крапивин.

Мое рождение принесло в размеренную, налаженную жизнь отца и матери несказанную радость и столь же несказанное беспокойство. Они тряслись надо мной, как скарредные старики трясутся над каждым грошом, и их можно понять. Потерять меня означало бы полный крах обретенных ими надежд на спокойную старость и продолжение рода. А также на то, что многочисленная родня и жадные партнеры отца не растащат компанию по частям в случае смерти основателя.

Матушка моя давно забыла, что такое работа. К бизнесу у нее не было ни малейших наклонностей. Поэтому я должен был при необходимости заменить отца на его бессменном посту главы компании и взять в руки бразды правления. О чем я вспоминал с содроганием в самые, казалось бы, неподходящие моменты счастья и безмятежного наслаждения жизнью молодого денди, не обремененного серьезными обязанностями.

Я вел существование праздное и благополучное, пока гром не грянул.

Разразилась гроза перед самым Рождеством, когда сотрудники затеяли корпоративную вечеринку в главном офисе.

Отец, как обычно, заказал стол и развлечения за свой счет и готовился произнести традиционную праздничную речь, когда внезапно почувствовал себя плохо. Вместо того чтобы немедленно вызвать врача, он попытался преодолеть недомогание и взгромоздился на импровизированную трибуну, украшенную гирляндами лампочек и разноцветных елочных шаров. Успев выговорить всего пару фраз, он пошатнулся и рухнул на руки своего заместителя и финансового директора.

По залу пронесся вздох недоуменного ужаса. Кто-то из женщин истерически вскрикнул, кто-то кинулся вызывать «неотложку»... а кто-то прятал злорадную ухмылку под маской притворного сострадания.

«У каждого человека есть враги, – любил повторять мой отец. – А у богатого человека их множество. Завистники, конкуренты, бывшие компаньоны, бывшие возлюбленные, обиженная родня, да мало ли еще кто, кому стоят поперек горла чужие успехи. Будь всегда начеку, сын! – наставлял он меня. – Никому не верь, никого не подпускай слишком близко, ни на кого не рассчитывай и никому ничего не прощай!»

Такая вот нехристианская заповедь. При всем том мой отец был человеком набожным. Раз от разу посещал церковь, держал в рабочем кабинете пару икон, но не гнушался и иными методами привлечь на свою сторону коммерческую удачу и деньги. После его смерти я начал разбирать бумаги и наткнулся на адреса одной известной московской гадалки и некоего мага.

Вероятно, время от времени отец прибегал к их помощи перед рискованной сделкой или принятием важного решения. Не скажу, что меня сей факт удивил. *Он сразил меня наповал!*

Отец – и сомнительные консультации сомнительных личностей? Несовместимо. Впрочем, против правды не попрешь.

Видимо, отец имел свои маленькие слабости, о которых мы с матерью не догадывались. Я не стал делиться с ней своим неожиданным открытием. Зачем разрушать образ непоколебимого и властного прагматика, которым он хотел казаться?

То последнее Рождество отец встречал на больничной койке. Собственная беспомощность выводила его из себя. Как некоторые с виду здоровые и крепкие люди, он держался до конца, а когда свалился, то больше уже не встал.

Врачи делали все возможное. Приятель отца предложил перевести его в немецкую клинику, но больной отказался наотрез. Полагаю, он чувствовал, что умирает, и хотел избежать бесполезных хлопот и суеты.

Перед смертью он призвал меня к себе и сообщил о письме, которое написал здесь, в палате, и которое просил вскрыть после его кончины. Мои фальшивые уверения в скором выздоровлении он отмел бледной, но все еще твердой рукой. И взял с меня обещание исполнить все, что он изложил в письме, с точностью.

Разумеется, я дал ему это обещание. Меня терзало любопытство, но я не посмел ослушаться и вскрыть письмо раньше оговоренного срока. Я вырос непутевым, но почтительным сыном. И слово отца было для меня законом.

Не скажу, что мы испытывали друг к другу теплые чувства. Он по-своему любил меня, видя во мне свое продолжение. Я ни в чем не знал отказа, но общался с отцом редко, а все время проводил с матерью и друзьями. В детстве он казался мне небожителем, который иногда спускался с облаков, чтобы потрепать меня по голове или строго пожурить за провинность.

Его авторитет довлел надо мной ровно до четырнадцати лет, когда я начал стремительно взрослеть и обретать вид не отрока, но мужа. Матушка не уставала удивляться, как я вымахал, и только то и делала, что обновляла мой гардероб. Вместе с ростом и мышечной массой развилась моя мужская привлекательность. Девушки поглядывали на меня с интересом и откровенно заигрывали. Я охотно отвечал им тем же. К окончанию колледжа я прослыл заядлым сердцеедом и безжалостным ловеласом.

Молодая преподавательница, которая приходила на дом заниматься со мной иностранными языками, стала моей первой отчаянной и дерзкой любовью. Я потел и заикался, украдкой лаская взором ее выступающие из-под юбки колени, а она притворялась, что не понимает природы моей непреодолимой тупости. До глаголов и спряжений ли было мне рядом с такой красоткой?! Я вдыхал запах ее духов, и у меня пересыхало во рту, и кружилась голова. По ночам я не спал, воображая эротические сцены, в которых она отдавалась мне под скрип диванных пружин и стук едущих под окнами трамваев.

Заметив неладное, мать устроила нам перекрестный допрос. Бедная учительница заливалась краской и невнятно оправдывалась, тогда как я отважно признался в любви к ней и готов был провалиться сквозь землю, когда заметил в ее глазах не ответную страсть, а... испуг. Она боялась лишиться заработка! А я-то, дурак, обожал и боготворил ее! Это отрезвило меня на несколько лет вперед.

В тот же день матушка устроила тщательный обыск в моей комнате и с криками вытащила из ящика моего стола набор метательных ножей, несколько журналов «Плейбой» и колоду порнографических карт. Смешно вспоминать, как она убивалась и грозила мне всяческими немислимыми карами.

Метание ножей было моей любимой забавой наряду с обострившимся интересом к женскому полу.

«Ты хулиган и развратник! – стенала матушка. – Откуда в тебе дурные наклонности? Чего тебе не хватает?»

Когда родительница доложила отцу о моем проступке, тот холодно улыбнулся и велел оставить меня в покое.

«Наш мальчик становится мужчиной, Бетти, – добавил он. – Позволь ему проявлять либидо. Иначе мы останемся без внуков!»

«А ножи, Андрей? Он убьет кого-нибудь и сядет в тюрьму!»

«Что ж... будем носить ему передачи».

После таких слов бедную матушку перемякнуло, и она надолго закрылась в своей комнате. Когда она наконец вышла оттуда, то перестала называть меня Колюней, чего я терпеть не мог, и обращалась ко мне исключительно Николай, что постепенно трансформировалось в Нико. Это было куда благозвучнее Колюни, и я преисполнился благодарности к отцу за заступничество.

Мама, несмотря на общие легкомысленные веяния, сумела сохранить приверженность строгим правилам. Но потерпела полное фиаско в попытке привить эти правила мне, несносному и горячо любимому сынуле. Должно быть, слепая материнская любовь сделала ее мягкой, как воск, из которого я беззастенчиво лепил то, что хотел. Не будь отца, страшно представить, к чему это могло бы привести. Он служил сдерживающим фактором для ее любовных порывов. Боясь вызвать его гнев, матушка периодически брала меня в ежовые рукавицы, пока не сообразила, что это лучший способ наставить меня на путь истинный. Она сумела наступить на горло собственной песне, за что я ей очень признателен. По крайней мере, из неуча и лентяя я превратился в расхлябанного, но умного и образованного молодого человека. Мои недостатки никуда не делись, однако они хоть как-то уравновесились приобретенными достоинствами.

К одним из своих достоинств я отношу сыновнюю почтительность и верность данному слову. Эти два качества, как ни прискорбно, ввергли меня в совершенно невообразимую авантюру...

Глава 2

Несмотря на самоотверженные усилия врачей, лучшие лекарства и уплаченные за лечение деньги, в начале мая мой отец скончался.

Матушка была вне себя от горя, а я испытывал неведомые мне доселе чувства растерянности и страха перед свалившейся на меня ответственностью. Теперь роль мужчины, хозяина дома и главы компании «Крайсер» предстояло сыграть мне. Отец «умыл руки», а я вынужден отдуваться.

«Ты циник, Нико, – корил меня внутренний голос. – Как ты можешь паясничать в эту трагическую минуту? У тебя нет ни стыда, ни совести! Ты кощунствуешь у гроба того, кто дал тебе жизнь и щедро снабдил всеми земными благами!»

Я смутился. Он был чертовски прав, мой внутренний критик, второй Нико, которого никто не видел и не слышал, кроме меня. Иногда он перегибал палку, но не в тот раз. И все же он ошибался, обвиняя меня в бессердечии и черствости.

Боль моей утраты притупилась опасениями, что я не справлюсь с поставленной передо мной задачей и ударю в грязь лицом. Одно дело – учиться, и совсем другое – практиковать. Под крылом отца я мог позволить себе безалаберность, но с его смертью все изменилось. Он оставил меня один на один с бизнесом, бросил в воду, не убедившись, что я умею держаться на плаву. Он жестоко поступил со мной. Вот, о чем я думал, глядя на его мертвое землистое лицо, казавшееся мне чужим.

Матушка рыдала, склонившись над гробом, а я невольно прислушивался к монотонному бормотанию друга нашей семьи господина Долгова. Я привык называть его дядей Лешей и помнил, как он брал меня маленького к себе на колени и угощал конфетами.

– Берта, тебе нельзя так волноваться, – уговаривал он безутешную вдову. – Андрюшу не вернешь. Каждому отмерен свой срок, с этим ничего не поделаешь. Смирись. У тебя есть сын и это главное. Тебе надо жить, Берта...

Похороны, соболезнования и поминки отвлекли мое внимание от письма, переданного мне отцом. Я положил его в домашний сейф и... забыл о нем.

Прошло восемь дней, суматошных и невероятно тяжелых для нас с матерью. Она страдала бессонницей, я, напротив, ходил, разговаривал и действовал словно в гипнотическом сне. Ночью накануне девятого дня мне привиделся отец. Покойный грозил мне пальцем, выражая крайнее недовольство. Он стоял у открытого настежь окна, не чувствуя холода...

Я очнулся от тревожной дремы и вскочил, не понимая, что происходит. В комнате никого не было, только развевались от ветра занавески. Я торопливо закрыл окно, постоял немного, приходя в себя... и зачем-то посмотрел вниз, во двор. В пелене дождя, освещенной фонарем, мне почудилась фигура отца в его любимом длинном пальто. Я зажмурился и протер глаза, а когда снова выглянул во двор, там никого не было.

Дрему как рукой сняло. Я лег, но уснуть не смог и беспокойно ворочался до самого утра. Под утро я сообразил, чем вызвал недовольство отца. Письмо! Как я мог забыть о нем? Я немедленно отправился в библиотеку, снял с полки десяток книг, добрался до дверцы сейфа и открыл его. Запечатанный белый конверт из плотной бумаги лежал поверх стопки документов и двух пачек денег, припасенных на непредвиденный случай.

Отец считал, что всегда необходимо иметь под рукой некоторую сумму наличности. Очевидно, у него были на то основания. Я не собирался заводить новые порядки, – это утомительно. Куда удобнее поддерживать старые.

Признаться, я с осторожностью и трепетом вскрыл конверт. О чем отец не решился сообщить мне при жизни? Неужели это касается наследства? Вдруг мы разорены? Не знаю право, огорчило бы это меня или обрадовало.

Мои опасения оказались напрасными. Аккуратные строчки, начертанные отцом, гласили: «Дорогой сын!

Вынужден прибегнуть к твоей помощи, ибо сам уже не в силах исполнить свой долг перед той, которую незаслуженно обделила судьба. Речь идет о моей осиротевшей дочери Анне, твоей сестре. Похоронив мать, она осталась совершенно одинокой и без средств к существованию. Это и заставило ее обратиться ко мне. Раньше она не осмеливалась беспокоить меня, что говорит о ее бескорыстии и благородстве. Теперь жизнь вынудила ее объявиться и признаться в нашем родстве, о котором я, к стыду своему, не знал. Я сразу же выслал ей немного денег, но эта сумма ничтожная. Если бы не внезапная болезнь, я бы сам позаботился о моей бедной девочке.

Стоя на пороге смерти, я не хочу обременять душу свою грехом невыполненных обязательств и тяжких сожалений. Надеюсь, я могу положиться на тебя, Николай, в этом щекотливом и чрезвычайно важном для меня деле. Ты ведь не подведешь? Не оставишь Анну без денег и родственного участия?

Должен заявить, что считаю себя не вправе каким-либо образом менять завещание в пользу Анны, которая росла вдали от меня и с которой я не успел лично познакомиться. Любая переделка завещания и выделения доли дохода от моего бизнеса Анне была бы неправильной по отношению к тебе и моей любимой супруге Берте, твоей матери. Так что полностью рассчитываю на твою сыновнюю преданность, дорогой Николенька, и твое доброе, чуткое сердце. Уверен, что передаю Анну в надежные руки, и мне не придется пожалеть об этом на том свете, откуда, как мне кажется, я смогу видеть вас.

Я не святой, и ничто человеческое мне не чуждо. Мимолетный курортный роман, о котором я легкомысленно забыл, принес мне неожиданный дар, – увы, слишком поздний! Я ухожу, а вы, мои дети, должны радоваться жизни. Пусть ничто не омрачит эту радость, даже моя кончина. Я все повидал, всего вкусил и добился того, о чем мечтал. Я еще не стар, но уже и не молод. Семьдесят два года, отмеренные мне судьбой, это немало. Я много успел, за что безмерно благодарен провидению.

Умоляю, не говори ничего Бетти! Она не заслужила такого подвоха с моей стороны. Вероятно, нет мужа, который был бы кристально чист перед своей избранницей. Не являюсь таким и я. Бывали случаи и обстоятельства, когда я не мог устоять перед женскими чарами и силой природного влечения. Однако твоя мать – лучшая из женщин! – не заслуживает мук ревности. А она будет страдать, как страдала бы любая жена от измены мужа... Впрочем, уже покойного. Смею предположить, что ревность не имеет срока давности. Посему прошу тебя, сын, оградить Бетти от этих столь же болезненных, сколь и бесполезных переживаний.

Раз ты читаешь это мое послание, Николай, значит, я мертв. Теперь я могу с облегчением признаться: ужасное предсказание, что я умру бездетным, сделанное одним рекомендованным мне магом, не сбылось. За что я не устаю благодарить Всевышнего. Исходя из своего опыта, обязан предостеречь тебя от обращений ко всякого рода предсказателям и ясновидцам. Эти самозванцы способны внушить опасную веру в свои лживые пророчества. Человек не стойкий, способный поддаться чужой воле, рискует изломать себе жизнь.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сообщить тебе в последнем послании. Надеюсь, моя просьба отложится у тебя в памяти, сын, и ты исполнишь данное мне обещание.

Письмо это сожги, дабы оно не попало в руки твоей матери и не нанесло ей душевную рану. Мы с ней прожили много лет в любви и согласии, и я никоим образом не желаю огорчать ее».

Внизу листка отдельной припиской был указан адрес Анны Андреевны Ремизовой, которая, судя по вышеизложенному, приходилась мне родной сестрой по отцу.

Я повертел письмо в руках, перечитал его и почесал затылок. Ну и задачка! Выходит, мне предстоит не просто познакомиться с сестрицей, а стать ее попечителем. Интересно, ей

что-нибудь известно о моем существовании? Или она находится в том же неведении, в коем до сей поры пребывал и я?

Пожалуй, мне стоит предложить ей перебраться в Москву, и если она согласится, на первое время поселить... Где я ее поселю, черт побери? Сниму для нее квартиру? Закажу гостиничный номер? Приведу к нам домой?

Тогда я вынужден буду придумать какие-то оправдания для матери, чтобы та ничего не заподозрила. При том нет никаких гарантий, что новоиспеченная сестричка не выболтает тайну своего происхождения сразу же по приезде. В конце концов, она не обязана молчать. Правда, я могу поставить ей условие: она держит рот на замке, а я обеспечиваю ее жильем и деньгами...

Мысли каруселью закружились в моей голове. Я отметал вариант за вариантом, пока не выбился из сил.

«Так проблемы не решаются, – заметил второй Нико. – Не ставь телегу впереди лошади, парень. Сначала хотя бы погляди на эту Анну Ремизову, там поймешь, как правильно себя вести с ней».

– Ох-хо-хо! – выдохнул я, гадая, как бы мне изловчиться, чтобы и овцы остались целы, и волки сыты.

О, эти внебрачные дети! Короткая невинная интрижка, мгновение страсти, – и вот, милости прошу, извольте расхлебывать последствия. Недаром пуще всего я боялся этих самых последствий. Поэтому я в свои двадцать восемь лет холост и ни чуточки не жалею об этом. В своих отношениях с женщинами я прежде всего забочусь о том, чтобы ни одну из них не наградить ребенком и тем самым не дать ей повода для шантажа и необоснованных требований. Если уж я решусь иметь детей, то исключительно в законном браке...

«Тпруу-у! – осадил меня внутренний голос. – Тебя не туда понесло, братец! Какие дети? Какая женитьба? Ты сперва разберись с дровами, которые наломал твой отец!»

Я скомкал злополучное письмо, положил его в серебряную пепельницу и щелкнул зажигалкой. Бумага занялась желтым пламенем, и через минуту от компромата осталась горстка пепла.

– Как будто ничего и не было, – пробормотал я, глядя на невесомый пепел. – Взять и забыть. Поставить точку в глупой сентиментальной истории.

Я оттягивал поездку к сестре, сколько мог. Прошли сорок дней со дня смерти отца, потом еще две недели, и я устыдился своего малодушия. Я даже не сообщил Анне о том, что она осиротела теперь уже окончательно. Я надеялся сделать это лично, а не по телефону. Наверное, я боялся... и как вскоре выяснилось, не зря.

Я оправдывал свое промедление тем, что не имею права оставить матушку одну в ее горе. Она перенесла два сердечных приступа и нуждалась в покое и уходе. К тому же заместитель отца еще не ввел меня полностью в курс дела управления компанией. Я был бы счастлив передать эти полномочия ему, но отец не простил бы мне капитуляции. Я неохотно, со скрипом вникал во все тонкости менеджмента и маркетинга.

Между тем мать понемногу оправлялась, к ней вернулись аппетит и желание жить. Она продолжала оплакивать мужа, но ее слезы стали светлее и мягче, если можно так выразиться. Это уже была горькая печаль, а не душераздирающая трагедия. Кажется, до матери дошли слова Долгова о том, что есть сын, за которого она в ответе.

Я старался вести себя безукоризненно, насколько мог. Хотя меня посещали тревожные мысли, я тщательно скрывал от всех свое беспокойство. Однако не удержался и задал матушке вопрос, который чрезвычайно удивил ее: не замечала ли она чего-нибудь странного или подозрительного в последние пред рождественские недели.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась она.

Я промямлил:

– Хочу разобраться в причинах внезапной болезни отца. Не было ли стресса, который спровоцировал недуг?

– Какая теперь разница, Нико? – махнула она рукой. – Мы потеряли его. И нам придется привыкать к этому. И мне, и тебе. До сих пор мы оба жили, как за каменной стеной. А теперь нам надо самим о себе заботиться.

– Папа ведь не жаловался на здоровье?

– Андрей вообще никогда не жаловался, – отрезала она. – Но это не значит, что он был здоров. Семьдесят лет – не двадцать!

– Я понимаю, но...

– Ты меня обвиняешь? – вскинулась мать. – Что я недоглядела? Не заставляла его регулярно проходить медицинские обследования? Тебе отлично известно, отец не любил обращаться к врачам. Он был упрям, как бык, никого не слушал. И вот... доупрямился, – всхлипнула она.

– Успокойся, – примирительно произнес я, беря ее за руку. – Я не ищу виноватых. Я просто пытаюсь выяснить...

– Что выяснить? – перебила она. – Он умер потому, что пришло его время. Так он всегда говорил. Судьбу не обманешь.

– Да я не о том.

– А о чем?

– Ну... понимаешь, как-то все быстро произошло. Новый год, Рождество... ничто не предвещало беды, и вдруг – бац! Может, отец сильно перенервничал?

– Я не помню... – задумалась мать. – Твой отец был очень скрытным. Он считал проявление чувств слабостью, недостойной мужчины. Он не посвящал меня в свои проблемы. Оберегал.

Она прижимала кружевной платочек то к одной щеке, то к другой, промокая слезы. Я ощущал себя коршуном, терзающим голубку. В самом деле, чего я прицепился к матери с вопросами, когда ее рана еще совсем свежа. Неужели нельзя подождать?

«Потом может быть поздно, дружище, – нашептывал мой внутренний голос. – Поздно! Действуй, как подсказывает тебе сердце, и будь что будет!»

– Ты меня прости, ма, – виновато попросил я. – Тебе больно говорить об этом. Но мы должны обсудить все варианты.

Она вздрогнула и посмотрела на меня красными воспаленными глазами.

– Ты что? Какие варианты? Думаешь, его... он...

– Нет, нет, – искренне возразил я, понимая, чего она не решается вымолвить. – Речь не идет об убийстве. Папа умер естественной смертью, в этом никто не сомневается. Но... я должен знать все о его последнем годе. Я был невнимателен к нему, мы почти не говорили о серьезных вещах. Обменивались общими фразами. Доброе утро... спокойной ночи...

– Андрей был постоянно занят, – бросилась она на защиту покойного мужа. – Он работал для нас с тобой, Нико! Чтобы мы ни в чем не нуждались. Нечестно упрекать его теперь, когда он ушел.

– Я не упрекаю, – огорчился я. – Мы любили друг друга, как могли. Я рос разгильдяем и доставлял ему массу хлопот. Он заслуживал лучшего наследника.

Мать промолчала, глядя на портрет отца в траурной рамке. После сорокового дня я предложил ей убрать портрет, но она не соглашалась.

Я тоже молчал, не находя нужных слов. Она первой нарушила затянувшуюся паузу:

– Ты похож на своего отца... такой же упрямый и скрытный.

Я не стал возражать. Тем более, что и упрямство, и скрытность были мне присущи. Я надеялся, эти качества пригодятся в бизнесе. Отцу они по крайней мере не мешали преуспевать.

– Послушай... а ведь было что-то такое, – добавила матушка, наморщив лоб. – Андрюша как-то обмолвился, будто за ним наблюдают.

– Наблюдают?

– Ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Но кто именно... он не мог понять. Это было просто чувство... ощущение, которое его беспокоило на протяжении жизни. Он спросил, что я об этом думаю.

– И что ты ему сказала?

– Я посоветовала ему обратиться к врачу, – смущенно призналась она.

– Ты решила, что он не в своем уме?

Лицо матери, и без того покрытое красными пятнами, побагровело еще больше.

– Давай прекратим этот разговор, – испугался я.

Но теперь она сама хотела объясниться. Ее брови прыгнули вверх, губы задрожали.

– Это могли быть первые признаки паранойи. Разумеется, ничего такого я ему не сказала.

– Но подумала, да?

Она смущенно кивнула, прижимая платочек к носу.

– А что мне было думать? Правда, к врачам отец не пошел, как ты сам понимаешь. И больше у нас разговор об этом не заходил. Это *наблюдение*, – подчеркнула она, – могло существовать только в воображении Андрюши. Он хронически переутомлялся, не умел отдыхать. Психика не выносит таких нагрузок. Но убедить твоего отца хоть на десять дней отключить телефоны и послать бизнес ко всем чертям, было нереально.

Я рассеянно кивал, думая о сестре. Обещание, данное мной отцу, жгло мне сердце. Наступил момент, когда я понял, что не имею права дальше откладывать знакомство с Анной.

В середине лета я отправился навстречу неизвестности...

Глава 3

Старый Крым

Позавтракал я в Москве, а пообедал уже в Симферополе, в буфете аэровокзала. Должен признаться, я не чувствовал вкуса еды. Мной овладело нечто наподобие лихорадки, природу которой я объяснить не мог.

Там же, в аэропорту я взял напрокат подержанную «хонду-цивик» и отправился в небольшой городок в восточной части Крыма. По дороге, для того, чтобы занять свой взбудораженный ум, я строил планы беседы с Анной, один глупее другого.

Старый Крым оказался типичным южным селением, где все подчинено летнему отдыху и приему туристов. Остальные месяцы в году жизнь здесь замирала в ожидании курортного сезона.

День выдался сырым и ветреным. Над городком плыли низкие темные тучи, деревья мокли под мелким косым дождем.

Я не без труда отыскал домик Ремизовых на узкой унылой улочке, постоял минуту, обдумывая первую фразу, которую скажу обретенной родственнице, – что-то типа: «Здрасьте!.. Вы Анна? А я ваш брат Николай...»

Разве не смешно?

Я подумал, что у отца, вероятно, были основания принять на веру заявление барышни Ремизовой о том, что она его дочь. Очевидно, она подкрепила свое заявление некими неизвестными мне доказательствами. Мысль о генетической экспертизе приходила мне в голову, но я отбросил ее как оскорбительную для Анны и памяти отца. Тем более она не получала по его завещанию ничего. Теперь ее будущее зависело от меня, и я волен поступать, как сочту нужным.

«А как же твое обещание? – проснулся во мне второй Нико, выскочка и критикан. – Как же сыновний долг перед покойным? Ты обязан выполнить последнюю просьбу отца, иначе твоя совесть будет есть тебя поедом до судного дня!»

– Черт... – выдохнул я, поеживаясь. – Эх, была не была...

С этими словами я толкнул давно не крашенную проржавелую калитку и очутился в грязном тесном дворике. Пустая собачья будка почти развалилась, дом выглядел немногим лучше. Видимо, Ремизовы едва сводили концы с концами.

Я громко, решительно постучал в обшарпанную дверь, мое сердце отчего-то сильно и быстро забилося. Прошли две или три минуты, прежде чем дверь распахнулась, и на крыльцо вышла молодая невзрачная особа, закутанная в тонкую шаль.

Уже в прихожей, куда она меня пригласила, я рассмотрел ее серое платье и пышные, уложенные узлом на затылке волосы. Они были расчесаны на прямой пробор, что придавало лицу хозяйки трогательное выражение чистоты и беззащитности.

– Вы кто? – спросила она, стоя напротив и глядя на меня снизу вверх. Я заметил, что у нее голубые глаза, длинные ресницы и родинка над верхней губой.

– Николай Крапивин, – ответил я.

– Вы... сын Андрея Никитича? – растерялась она.

– А что, похож?

Она промолчала, изучая меня пытливым взглядом. При ее среднем росте она едва доставала мне до уха. Судя по ее румянцу, я ей понравился. Я умел нравиться женщинам, когда хотел. В данном случае я решил произвести неизгладимое впечатление на робкую провинциалку и преуспел в этом.

– Я Анна Ремизова, – просто сказала она и провела меня в гостиную, обставленную выдавшей виды мебелью. На окнах висели вышитые гладью шторы, которые могли бы занять достойное место в музее мещанского быта прошлого века.

– Ну что, Аня, – развязно произнес я, разваливаясь в старомодном кресле. – Выходит, мы брат и сестра?

– Выходит... – смущенно подтвердила она, присаживаясь на край дивана.

– Будем знакомы?

– Угу, – кивнула она. – Вы устали с дороги? Может, чаю?

Она не спросила о цели моего визита. Я мельком, исподтишка рассматривал комнату, которой подходила крылатая фраза «чистенько, но бедненько». При такой нищете немудрено заинтересоваться капиталом родного батюшки. Правда, надо было еще добиться права на этот капитал. Судя по всему, Анна не обладала ни должным напором, ни необходимой для подобных притязаний наглостью. Она показалась мне сущей овечкой.

Кроме написанной маслом картины, висящей над спинкой дивана, никаких сколько-нибудь ценных вещей я в гостиной не обнаружил. Впрочем, картина, вероятно, была копией. Откуда бы здесь взяться подлиннику?

– Чаю? Пожалуй, выпью чашечку с дороги, – церемонно ответил я. Чередуя нарочитую грубоватость с подчеркнутой вежливостью, я надеялся сбить ее с толку.

Она не вскочила поспешно, как можно было бы ожидать, а спокойно поднялась и удалилась на кухню. Сестрица взяла себя в руки, так что я напрасно рассчитывал на легкую победу.

Пока она готовила чай, я без помех изучал картину. Художник изобразил на ней игру в карты. За столом сидели трое – богатая дама в жемчужном ожерелье, серьгах и браслетах, знатный кавалер в берете с пером и молодой господин без головного убора. Перед игроками лежали золотые монеты. Слева от дамы стояла служанка с бутылкой и рюмкой в руках. Дама, видимо, проигралась, и ей потребовалось выпить. Мое внимание привлек господин без головного убора. Он сидел к зрителю спиной и тайком доставал левой рукой из-за пояса бубнового туза.

«Да он плурует! – сообразил я. – Это карточный шулер!»

– Жорж де Латур, – раздалось рядом со мной, и я вздрогнул.

– Что, простите?

– Жорж де Латур, – повторила Анна, расставляя на выцветшей скатерти чайник, чашки и вазочку с вареньем. – Живописец семнадцатого века. Это его работа.

Я засмотрелся на картину и не заметил, как она вошла. Один ноль в ее пользу. Она застала меня врасплох. Когда она наклонялась над столом, от ее волос шел слабый запах дешевого шампуня. Я терпеть не мог дешевых запахов.

– Подлинник? – поморщившись, осведомился я.

– Копия, разумеется, – улыбнулась Анна. – Любите живопись?

– Не более, чем каждый культурный человек. Я не фанат искусства.

Она налила в мою чашку травяной чай и предложила варенье:

– Горный кизил. Мы с мамой сами собирали и варили.

Я ждал слезливых интонаций в расчете разжалобить богатого родственника, но не дождался.

Чай оказался душистый, со сладковатым привкусом.

– Это крымский сбор, – объяснила хозяйка. – Здешные травы обладают особой целебной силой. Раньше у нас практиковали лечение цветочными ваннами. Моя мама знала множество рецептов. Она работала медсестрой в санатории. Там они и познакомились...

– С кем? – поперхнулся я, догадываясь, какой будет ответ.

– С Андреем Никитичем. Он страдал хроническим бронхитом, а санаторий «Старый Крым» специализируется на болезнях дыхательных путей.

Анна встала, полезла в комод и достала старый бархатный альбом для фотографий.

– Вот, взгляните, – она раскрыла альбом и показала мне черно-белый любительский снимок, где мой отец обнимал миловидную женщину с волосами и глазами Анны. Они оба улыбались в объектив: женщина смущенно, а отец слегка недовольно. Похоже, он не хотел фотографироваться, однако не посмел отказаться, чтобы не обидеть свою даму.

Я перевернул карточку, увидел написанную на обороте дату и отметил, что снимок сделан за четыре года до моего рождения. Мои родители тогда уже были женаты.

– Сколько тебе лет? – бестактно спросил я у Анны.

– Тридцать один...

«Она старше меня на три года, – подумал я. – Сроки сходятся, если учесть девять месяцев беременности».

Напряженные расчеты отразились у меня на лице, потому что Анна холодно заявила:

– Не стоит так нервничать. Я вам в сестры не напрашиваюсь.

«Овечка проявляет характер!» – мысленно констатировал я и так же холодно полюбопытствовал:

– Есть еще фотографии?

– Эта – единственная. Если хотите, порвите.

– Зачем же? – мои губы растянулись в саркастической ухмылке. – Я не варвар какой-нибудь.

Анна сердилась, и это шло ей гораздо больше смирения. Она с трудом сдерживала готовую сорваться с языка отповедь.

– Давай перейдем на «ты», раз уж мы родня, – примирительно предложил я.

Ссориться мне с ней было ни к чему. Это противоречило моему обязательству перед отцом.

– Давайте... давай, – недоверчиво согласилась она. – Ты приехал разоблачить меня?

Я прикинулся непонимающим, хотя она разгадала цель моего визита.

– В смысле?

– Ну, убедиться в том, что я самозванка, которая имеет виды на деньги господина Крапивина. А потом убедить в этом и его. Так вот, дорогой братец, мне плевать на ваши деньги! Моя мама до самой смерти молчала и никогда ничего не просила. Ни у кого! И я ничего не прошу ни у отца, ни у тебя. Если хочешь знать, я бы ни за что ему не написала! Меня мама заставила...

– Это из каких соображений? Тридцать лет молчала, а потом вдруг опомнилась?

– Она не могла оставить меня совсем одну.

– Запоздалая забота! – вырвалось у меня, и я тут же пожалел о своих словах.

Анна нахмурилась и замкнулась в себе. Я допустил промах. Нужно было исправлять положение.

– Отец умер, – брякнул я, не найдя лучшего способа встряхнуть ее.

До нее не сразу дошел смысл сказанного.

– У-умер? – тихо переспросила она.

– В конце марта. Он слег и больше не встал. Я пообещал ему позаботиться о тебе. Поэтому я здесь.

В глазах Анны промелькнули горечь, сожаление и непонимание, но она не пролила ни слезинки. «Это как раз нормально, – подумал я. – Она видела его только на снимке. Кто он ей? По сути, чужой человек. Странно было бы оплакивать чужого человека».

– Мама не рассказывала мне о нем, – грустно призналась Анна. – Я не успела к нему привязаться. В детстве я ненавидела его за то, что он нас бросил. А потом... просто вычеркнула его из своей жизни...

Громкий, требовательный стук в дверь прервал ее исповедь.

– К тебе гости, – сказал я, ликуя.

Пока она пойдет открывать, мне удастся пошарить по ящикам комода. Наверняка она держит документы там же, где и альбом с фотографиями.

Я метнулся к комоду, едва хозяйка покинула гостиную, выдвинул верхний ящик и торопливо зарылся в бумаги. Горка квитанций, паспорт... я не ошибся! Где-то тут наверняка хранится свидетельство о рождении. Так... это не то... школьный аттестат мне тоже не нужен... Черт! Она вот-вот вернется, а я...

У меня перехватило дыхание, когда я добрался до того, что искал. В графе «отец» был указан... Андрей Никитович Крапивин. Правда, с оговоркой «со слов матери».

Я чудом успел плюхнуться обратно в кресло, когда послышался скрип разошедших половиц, и в дверях показалась встревоженная Анна.

– Это сосед, – зачем-то сказала она, кутаясь в шаль. – Пришел денег одолжить. А где я возьму? Он пьющий. Вечно на водку не хватает.

– Ты ему отказала?

– Я в долг не даю.

Я молча кивнул, отметив несоответствие в ее объяснениях: сосед наверняка знает Анну не первый год и вряд ли пришел бы за деньгами туда, где ему откажут. По-видимому, она сама сообразила, что «прокололась», и начала ни с того ни с сего рассказывать мне о матери, – как та болела и тихо угасла.

– Там ей лучше, чем было здесь, – горестно заключила Анна, намекая на иной мир, куда попала многострадальная душа Вероники Ремизовой, одинокой женщины, которая всю свою жизнь посвятила дочери.

– Она была замужем?

– Нет, – покачала головой Анна. – С тех пор, как...

Она осеклась, давая мне понять, что ее мать любила только моего отца и осталась верна этому чувству. Меня такими баснями не проймешь. Я знаю цену романтическим историям с меркантильной подоплекой.

«Твои уловки со мной не пройдут, – мысленно усмехался я, слушая ее бредни. – Знаю я этих санаторных сестричек, которые норовят охмурить отдыхающих мужчин и устроить свою судьбу. А если объект окажется крепким орешком, то хотя бы закрутить курортный роман. Авань, дорогой подарочек обломится или денежная компенсация. Удовольствие с выгодой!»

– Ты тоже медицинский работник? – спросил я, прерывая затянувшуюся паузу. – Пошла по стопам матери?

– Да...

В ее ответе прозвучала насторожившая меня неопределенность. Не похоже, что Анна работает. Сегодня, к примеру, вторник. Я не надеялся днем застать ее дома, но застал. Живет она уж больно убого. На зарплату медсестры не разгуляешься, это ясно. Но я не мог представить Анну делающей укол, массаж или любую другую лечебную процедуру, как ни старался. Есть люди, рожденные для праздности. Она относилась именно к этому типу. Однако и им нужен источник материального обеспечения. Порой их свободный от повседневного труда ум отыскивает довольно хитрые пути обогащения.

– Работаешь посменно? – невинно осведомился я.

– Мне пришлось уволиться, – неохотно призналась она.

«Так я и предполагал, – констатировал мой внутренний двойник. – Она аферистка! Смотри, не попадись в ловушку, Нико. Будь начеку!»

– Давно ты на вольных хлебах?

– Тебе не все равно? – сердито поджала губы Анна. – От тебя мне ничего не надо. Боишься, что начну просить помощи? Расслабься. Я тебя в гости не приглашала. Сам приехал. Не нравится... вот тебе Бог, а вот – порог. Нас с тобой ничего не связывает.

Я пошел на попятную.

– Как-никак, мы дети одного отца.

– Ну и что? – презрительно прищурилась она. – Тебя это ни к чему не обязывает. Андрей Никитич умер, и все закончилось. Попил чаю? До свидания!..

Она загнала меня в угол. Теперь мне ничего не оставалось, как попрощаться. Но тогда я не выполняю последнюю волю покойного родителя...

Глава 4

Я не поддался на ее провокацию. Временно отступил и прикинулся кротким ягненком.
– Ты неправильно меня поняла, – лепетал я, краснея, как подросток.

Благо, ребенком мама насильно отдала меня в драмкружок, где я неизменно играл главные роли в детских спектаклях, приуроченных к праздникам Нового года, Восьмого марта и Дня Победы. Природная склонность к лицедейству была, пожалуй, основным моим талантом. Перед Анной я поначалу спасовал, а когда спохватился, она уже раскусила меня. Однако я питал надежду, что все образуется.

Итак, я остался погостить у нее несколько дней. Не скажу, что она пришла от этого в восторг. Из нас двоих она либо превосходила меня в притворстве, либо... вела себя искренне.

Назавтра я попросил ее показать мне Старый Крым.

Анна согласилась. Она водила меня по развалинам древних мечетей и рассказывала о прошлом этого южного городка. Раньше он был столицей Крыма и назывался Солхат, здесь кипела торговля и шумели сады. Солхат соперничал богатством и роскошью с Багдадом и Дамаском. В земле до сих пор лежат гончарные трубы, по которым в город подавалась вода с гор. Вернее, горная роса, накапливающаяся в специальных бассейнах. А старики передают из уст в уста предания о кладах, зарытых в развалинах...

Я слушал вполуха. История мало интересовала меня. Но я вынужден был поддакивать Анне и выражать фальшивое восхищение ее познаниями.

«Меня-то ты не обманешь, – ерничал при этом второй Нико. – Как же! Она разбудила твое любопытство. Ты изучаешь ее, пытаешься проникнуть в ее мир. А тебя пока что держат на задворках».

Я запустил пробный шар:

– Поехали со мной в Москву, сестричка.

– Куда? – изумленно вскинула она свои тонкие темные брови.

– Я сниму для тебя квартиру. Работу тебе подыщу. Не в больнице, так где-нибудь в офисе. Компьютером умеешь пользоваться?

– Умею.

Утром, когда Анна была занята на кухне приготовлением завтрака из привезенных мной продуктов, я украдкой обошел весь дом. Кроме гостиной, там были еще две мрачные комнатухи, одна из которых служила спальней, а другая – чем-то наподобие кабинета. Все крохотное пространство занимали самодельные книжные полки, платяной шкаф, пара стульев и столик с компьютером. Последний по сравнению со всей остальной жалкой утварью выглядел чужеродно новым. Я заглянул в шкаф, но не обнаружил там ничего криминального, только поношенную одежду и стопки вылинявшего белья. Зато на полках с книгами мне попались несколько карточных колод, как побывавших в употреблении, так и запечатанных. Невольно на ум пришел персонаж с картины Жоржа де Латура – мошенник, прячущий за поясом бубнового туза. Почему именно это полотно украшало стену неприветливой гостиной Ремизовых? Может, Анна зарабатывает на жизнь игрой в карты?

Задумавшись, я отступил и чуть не угодил ногой в яму.

– Осторожнее, – предупредила Анна.

– Мгм-м, – прочистил я горло перед следующей репликой. – Пожалуй, я устрою тебя в офис деловодом. У нас вечная неразбериха с документами. Решайся.

Я думал, Анна ухватится за мое предложение, а она упрямо мотнула головой.

– Никуда я не поеду. Здесь я родилась, выросла... здесь мне каждый кустик знаком, каждая тропинка. А в Москве я никому не нужна. Не хочу тебя стеснять, да и в милостыне не нуждаюсь.

Я слегка растерялся и взял паузу.

Мы шли с Анной по выгоревшему проселку в сторону горы Агармыш. По бокам тянулись холмы, поросшие кустарником. В низинах лежал туман.

– Весна нынче была поздняя, – сказала она, нарушив молчание. – Зато лето жаркое. Я тепло люблю. Привыкла дышать горным воздухом. А в Москве, говорят, смог стоит. Летом торфяники горят, зимой снегу по пояс наметает. Я там ни разу не была, и меня туда не тянет.

Анна поежилась. Ее платишко насквозь продувал ветер.

– Значит, не поедешь?

– Не-а, – тряхнула она выбившимися из-под косынки кудрями. – Мне и здесь хорошо.

– Мы все-таки родня, – выдавил я.

В конце концов не силком же мне ее тащить из этой глухомани?

«Твоя миссия трещит по швам! – веселился мой внутренний критик. – Она оставила тебя в дураках, Нико. Теперь тебе придется изловчиться, чтобы увезти ее с собой. Что ты придумаешь? Какую приманкупустишь в ход?»

«Я ей ничем не обязан, – угрюмо огрызнулся я. – Не хочет, пусть сидит в этой дыре до седых волос!»

«Твой отец был бы разочарован, Нико. Ты подвел его. Не сумел договориться с обычной барышней. Бьюсь об заклад, она не была замужем. Кто ее возьмет? Здесь таких вековух, небось, пруд пруди. Любая сочтет за счастье вырваться из постылого городка, поселиться у богатых родственников и заполучить непыльную работу. А госпожа Ремизова упирается! Что-то тут нечисто...»

– У тебя есть бойфренд? – спросил я, догадываясь о причинах ее упрямства.

– Вот еще! – фыркнула она.

– Ты была замужем?

– Нет. А что? Обязательно – выходить замуж? Иначе женщина как бы неполноценная?

– Я не то имел в виду. Тебя здесь что-то держит?

– Я вольная птица, – гордо ответила она.

Ее ответ рассмешил меня. К полудню начало припекать, и мы повернули обратно. По толстым стволам деревьев вился плющ. В воздухе пахло сухой травой и йодом.

Анна остановилась и потянула носом.

– Чувствуешь? Это ореховая посадка.

Я наклонился и увидел под ногами раздавленный зеленый орех. На душе стало тревожно, как перед экзаменом. Впрочем, первое испытание я уже провалил.

Запах йода раздражал мне ноздри и щекотал гортань. Анна шагала впереди, не оглядываясь. Уродливое ширпотребовское платице не портило ее стройную, ладную фигуру.

«Это уж совсем не братские мысли, – поддел меня второй Нико. – Это, парень, вождеделение. Есть ли что-нибудь отвратительнее инцеста? Сдай-ка назад и остынь!»

Я опомнился и запретил себе смотреть на Анну, как на женщину. Она сестра. Пусть только по отцу, все равно близкая родственница. Будь она хотя бы двоюродной, я бы...

«Что «ты бы»? – охладил мой пыл внутренний оппонент. – Умение вовремя остановиться – одно из лучших качеств в мужчине. Не ударь в грязь лицом, Крапивин. Анна – не та барышня, из-за которой теряют голову. Она простушка и неудачница. К тому же она твоя сестра».

– Сестра! – дурачась, окликнул я ее. – Если честно, я приехал за тобой. Хватит выпендриваться. Я все понял. Ты бескорыстна, словно святая. Поедем в Москву?

– Я же сказала, нет, – отрезала она.

Во мне проснулся неожиданный азарт.

«Ладно, – сказал я себе. – Еще не вечер, детка. Поглядим, кто кого...»

* * *

Мы мирно ужинали картофельной запеканкой с котлетами, когда в дверь постучали.

– У тебя нет звонка? – лениво осведомился я.

– Был. Давно сломался.

– А новый поставить слабо?

– Зачем мне звонок? – ничуть не смутилась сестра. – Я отлично без него обхожусь.

Я дожевывал жесткую котлету и запил травяным чаем. Стряпуха из Анны была никудышная, но я мужественно терпел, поглощая то полусырые, то подгоревшие блюда. Я бы мог, конечно, питаться в кафешке, но это нарушило бы хрупкую симпатию между мной и сестрой. Не знаю, каким чудом она возникла, однако наши отношения потеплели. Портить их было не в моих интересах.

Стук в дверь повторился, теперь громче.

– Ты кого-то ждешь?

– Никого.

– Может, это опять сосед? – съязвил я. – Денег пришел на водку просить?

Анна пожала плечами. Ее щеки порозовели, что не укрылось от моего внимания.

– Хочешь, я проучу его? – предложил я. – Отважу раз и навсегда?

Мой спортивный торс и накачанные в фитнес-клубе бицепсы не оставляли сомнений, кто выйдет победителем в случае потасовки.

– Не хочу! – рассердилась Анна и отправилась открывать.

Я скользнул следом и наострил уши. Мужской баритон, доносившийся из темной прихожей, показался мне наглым и неприятным.

– Тише, тише... – уговаривала его сестра. – Я не одна...

– Я вам не помешаю, – настаивал баритон. – Втроем будет веселее. Выпьем, расслабимся...

– Выпивки нет...

– Я сбегая в магазин. Это рядом.

– Уходи, прошу тебя...

– Покажи мне его!

– Лучше не надо...

Анна оглянулась, словно ощущая мое присутствие, и я спрятался за дверью. Она меня не заметила.

– Уходи, Джо! – она чуть не плакала, но незваного гостя это не остановило.

– Пусти, или хуже будет, – прорычал он.

У меня руки чесались надавать ему по шее и вышвырнуть вон, но я твердо решил не вмешиваться.

Едва я вернулся за стол и принялся как ни в чем не бывало потягивать чай, на пороге кухни появилась Анна и ее настырный гость. Он с любопытством выглядывал из-за ее плеча.

– Знакомься, Николай, это Джо... мой приятель.

– Любитель выпить? – не моргнув глазом, выпалил я. – Ты сказала ему, что в долг не даешь?

Фраза прозвучала двусмысленно, и Джо набычился, готовый ринуться в бой, если понадобится. Я сравнил наши возможности и совершенно успокоился. Уж с этим-то кретином я точно справлюсь.

– Я пью только на свои, – буркнул тот, выступая вперед и беспардонно усаживаясь за стол, куда его не приглашали.

– Будешь ужинать с нами? – спросила сестра.

– Спасибо, не голоден. А вот чайком побалуюсь...

С этими словами Джо потянулся за чайником. Анна дала ему чашку и блюдце для варенья. Я молча наблюдал за ними обоими. На вид Джо можно было дать лет тридцать пять – сорок. Чернявый, среднего роста, поджарый, словно гончая, с мелкими чертами лица и давно не стриженными волосами, которые на концах завивались, он производил впечатление жулика. Его клетчатая рубашка была не первой свежести, а обтянутые джинсами ляжки подрагивали, будто Джо в любую секунду готов был вскочить и дать стрекача.

– Ковбой с дикого Запада? – ухмыльнулся я.

Гость выпучил на меня глубоко посаженные глазки с прищуром.

– Чего-о?

– Почему вдруг «Джо»? – пояснил я свой вопрос.

– По кочану! Вообще-то меня Иваном зовут.

– Джо – это его прозвище, – вклинилась Анна.

Я решил выжать из создавшейся ситуации максимум пользы. Раз уж так сложилось, надо выудить из этого Джо побольше. Авось, он выболтает что-нибудь про Анну.

– Твоя тачка во дворе стоит? – осклабился гость.

– Считаю, что моя. Я ее в аренду взял. Сестричку покатаать хочу... с ветерком.

По выражению его лица я понял, что он уже знает, кто я. Очевидно, Анна успела поделиться с ним новостью.

– Давай выпьем за знакомство? – предложил Джо. – Я сам за водкой сбегая. Идет?

У меня в машине были припасены несколько бутылок виски и коньяка, на всякий случай. Вот случай и представился.

– Ты гость, я тебя угощать должен, – заявил я, вставая. – Давай, сестричка, рюмки.

Анна всплеснула руками. Ей не хотелось ни пить, ни обхаживать выпивающих мужчин. Вся эта возня была ей в тягость.

– Поздно уже, – недовольно сказала она. – Шел бы ты спать, Джо.

– Грубая ты, неприветливая, – обиделся приятель. – Твой брат меня угостить хочет, а тебе жалко, да?

– А, черт с вами! Делайте, что хотите...

Она протерла полотенцем рюмки, а я тем временем сбегал к «хонде» за вискарем. Уже в прихожей меня осенило, почему лицо Джо показалось мне знакомым. Он был похож на шулера с картины Жоржа де Латура. Очень похож!

«Поглядим, что ты прячешь за поясом, – подумал я, водружая бутылку на стол. – Авось, виски развяжет тебе язык, ковбой!»

– Ого! – обрадовался тот. – Ничего себе! У тебя брат что надо, Анька!

После пятой рюмки Джо осоловел, а у меня хмеля ни в одном глазу. Я привык к обильным возлияниям, хотя и не был любителем спиртного. Но если надо, мог дать очко вперед любому выпивохе.

После шестой гостя совсем развезло.

– Может, хватит? – забеспокоилась Анна. – Его нельзя спаивать. У него желудок слабый.

– Да ну? – не поверил я.

– Не слушай ее, б-брат, – заикаясь, возразил Джо. – Напиток... б-божественный... Нектар!..

Я придвинул к нему тарелку с котлетами.

– Ты закусывай, а то домой не дойдешь.

– Д-дойду... – пьяно махнул рукой гость. – Не бо-ись...

– Видишь? – огорчилась Анна. – Я же говорила, нельзя ему много. Как теперь быть?

– Пойдем, друг, проветримся...

С этими словами я взял Джо под мышки и вывел во двор. Там было свежо, с гор дул ветер. Темное небо, полное дождевых туч, казалось низким и тяжелым.

На воздухе гость немного протрезвел и пристал ко мне с вопросом, играю ли я в карты. Я ждал чего-то подобного.

– Мне в карты не везет, – отговорился я.

– А мне наоборот, – захихикал Джо. – Слишком прет! Я колоду вижу насквозь. Веришь? Хочешь, докажу?

Я уклончиво хмыкнул, продолжая отнекиваться. Он не отставал, что, собственно, входило в мои планы. После притворных колебаний я согласился посмотреть на его фокусы.

– Что у тебя с Анной? – спросил я. – Роман?

– Вроде того.

Во мне вскипела ревность, что было совсем уж глупо.

– Собираешься жениться на ней?

– Жениться? – опешил он. – Ну ты, брат, хватил. У нас это... мы просто встречаемся.

Меня разочаровало его признание. Анна потеряла в моем мнении, резко опустилась вниз на шкале, по которой я оценивал женщин. Строит из себя недотрогу, а сама путается с этим потрепанным, замызганным Джо. И как только не противно ложиться с ним в постель? От него пахнет ношеным бельем и дешевой туалетной водой.

– Пойдем? – сладко улыбался он, забыв об Анне. Его гораздо сильнее волновали карты. Он надеялся блеснуть перед приезжим москвичом, а если удастся, то и облапошить его на пару сотен долларов.

– Уговорил, – согласился я. – Зябко здесь. Сыро. Вот-вот дождь хлынет.

Мы вернулись в дом. Анна перебралась из кухни в гостиную и сидела на диване у телевизора, поджав ноги и укутавшись шалью. Наше появление вызвало на ее губах гримасу раздражения.

– Принеси-ка нам новую колоду, подруга, – развязно потребовал Джо.

– Сам неси, – огрызнулась она.

На моих глазах с ней происходила невероятная метаморфоза. Из унылой старой девы Анна превращалась в вульгарную пособницу мошенника.

Джо не стал перечить и послушно притащил из «кабинета», который я успел обследовать, парочку колод...

Глава 5

Против ожидания, я увлекся трюками, которые он проделывал с картами. Анна же оставалась равнодушной. Видимо, Джо демонстрировал ей свои способности не первый раз.

Он тщательно перетасовывал колоду и просил меня вытаскивать любую карту наугад, неизменно правильно называя ее. Я подумал, что дело в ловкости его рук, и потребовал колоду себе. Джо рассмеялся.

– Не ты один сомневаешься, парень, – по-свойски похлопал он меня по плечу.

Я не подал виду, как меня коробит подобное панибратство, и взялся сам тасовать карты.

– Тут никакого обмана нет, – снисходительно добавил Джо. – Чистая магия.

Он подтвердил свои слова, легко угадывая каждую карту, которую я вытаскивал, старательно пряча от его взгляда.

– Со своими я играть не сажусь, – подытожил он, когда я сдался. – Хотя никогда не плутую. Просто я вижу карты насквозь.

– А все остальное?

– Остальное нет, – с искренним сожалением признался он. – Только карты. Должно быть, это передалось мне с генами.

– У тебя в роду были шулеры?

Джо не обиделся.

– А я без роду, без племени, – ухмыльнулся он. – Живу так давно, что сам не помню когда родился. Может, моими предками были халдейские маги!

Моему изумлению не было границ, когда из его уст вылетели эти слова.

– Да у тебя дар, – сказал я. Хотел присовокупить «Здоров ты врать, дружище!», но воздержался.

Джо просиял от моей похвалы и напоследок удивил меня, подбросив колоду вверх. Вопреки закону земного притяжения, карты не посыпались вниз, а остались как бы приклеенными к потолку. Там они и «висели», пока Джо не щелкнул пальцами. По его щелчку колода дрогнула, и карты беспорядочно полетели на вытертый пестрый ковер на полу.

– Слушай его больше, братец, – протянула с дивана Анна. – Он тебе и не такого наговорит.

– Без меня вы бы засохли от скуки, – развеселился Джо. – Сидели бы и кисли. Может, у тебя еще выпить найдется? – обратился он ко мне. – Во рту пересохло.

Я замешкался. Джо наклонился собрать карты, пока я размышлял, пожертвовать ли мне второй бутылкой виски или на сегодня достаточно.

– Я спать хочу, – зевнула Анна.

– Тебе пора домой, Джо, – сказал я гостю, показывая на сестру. Мол, я бы тоже не прочь горло промочить, но хозяйка устала.

Он бросил косой взгляд на часы и кивнул:

– И то правда. Засиделся я у вас.

Анна пошла проводить его. Я скользнул следом. Они стояли на крыльце, разговаривали вполголоса, как близкие люди.

«Она спит с ним, – нашептывал мне второй Нико. – Они обыкновенные мошенники. Не хлопай ушами, парень, иначе они раскрутят тебя на деньги и смоятся. Ищи-свищи!»

До меня доносились обрывки их разговора, смысла которого было не разобрать. Что они обсуждали? Как меня ограбить? Налички я собой взял в обрез, а банковскую карту надежно припрятал. Мои наручные часы, шмотки и арендованная машина вряд ли смогут удовлетворить их разыгравшийся аппетит.

– Не обломится вам, ребята, – злорадно пробубнил я и выругался.

Обещание, данное мной умирающему отцу, не позволяло мне плюнуть на все и укатить в Москву без Анны. Лично я ей ничего не должен. Да и ее, похоже, вполне устраивает ее жизнь.

– Завтра... – послышалось с крыльца.

Я напрягся, пытаюсь сообразить, о чем идет речь. Завтра они собираются осуществить «ограбление века»? Мне стало смешно.

– После восьми... – глухо произнес Джо. – Когда стемнеет...

«Тебе надо подготовиться, Нико, – встрепнулся мой двойник. – Не будь шляпой! Не дай им опоить тебя какой-нибудь гадостью и обчистить».

«Они не могли знать, что отец умрет, а я приеду вместо него», – возразил я.

«Они что-то замышляют, – не унимался второй Нико. – Держи ушки на макушке, дружище. Не попади впросак!»

– Не попаду, – пробормотал я, поспешно возвращаясь в гостиную.

В голову пришла мысль, что я никому не сказал, куда уезжаю. Матушка уверена, что я улечу в Сочи отдохнуть на недельку. В офисе я предупредил финансового директора, что меня неделю не будет. А больше мне отчитываться не перед кем. Получается, только моя секретарша может догадаться, где меня искать. Ведь она заказывала мне билет до Симферополя.

«Плохой ориентир, – сокрушался мой внутренний критик. – Крым большой, а куда ты махнул из Симферополя, никому не известно. Зря ты не подстраховался, Нико. Твоя беспечность может дорого тебе обойтись!»

«Через неделю, если я не вернусь домой, меня хватятся».

«Может быть поздно! – трагически изрек второй Нико. – За неделю твое тело увезут далеко от Старого Крыма на твоей же машине и выбросят в горную расщелину, где его никто не найдет...»

– Тебе плохо?

Я поднял голову и увидел Анну с румянцем волнения на щеках.

– Не надо было столько пить, – добавила она, глядя на меня с напускным сочувствием. – Сделать тебе крепкого чаю?

– Это лишнее, – отказался я. – У меня разболелась голова, но это пройдет. Надо выспаться, и все как рукой снимет.

Мы разошлись по комнатам. Она закрылась в своей спальне и включила свет. Ночью я глаз не сомкнул, время от времени тихонько вставая и поглядывая на щель под ее дверью, откуда пробивался свет. Что она там делает? Любовный роман читает? Или плетет хитроумную интригу, как избавиться от брата и не угодить за решетку?

В конце концов, она сможет предъявить права на наследство, если докажет, что является дочерью моего отца. Черт!

Я решил позвонить дяде Леше Долгову и сообщить, где нахожусь. Куда же запропастился мой сотовый? Я обыскал свои карманы, сумку и все вокруг... телефон исчез. Неужели Джо стащил? Мелко и подло с его стороны. Отвел глаза карточными трюками, а сам...

– Растяпа, блин! – пробурчал я, укладываясь обратно в постель. – Телефон уже проморгал. Теперь хоть рот не разевай!

Ладно. Сотовый – не проблема. Даже в этом городишке можно его купить без труда. Завтра же займусь.

Злой на Анну, на Джо, на покойного отца и больше всех на себя, я под утро все-таки уснул. Мне снились карты, развалины мечетей... родинка на лице Анны и бубновый туз, которым разухабистый ковбой, отвратительно хихикая, размахивал перед моим носом...

* * *

На следующий день тучи рассеялись и показалось солнце. Гора Агармыш вдаль была розовой от рассветных лучей. Во дворе весело щебетали птички.

За завтраком Анна казалась задумчивой. Она сбегала за молоком, пока я спал, и в кухне стоял запах подгоревшей манной каши.

– Почему не ешь? – спросила сестра, глядя, как я размазываю ложкой кашу по тарелке. – Невкусно?

– Честно говоря, это несъедобно, – заявил я.

– У тебя нет аппетита после вчерашней попойки. Вы с Джо перебрали виски. С твоей подачи, между прочим.

– Пусть так...

Я выпил чаю, молча поднялся и отправился приводить себя в порядок. Вместо нормальной ванной у Анны в доме была оборудована примитивная душевая. Воду для мытья грел котел из разряда раритетов. Удивительно, что он еще работал, а не развалился на части. За неимением лучшего я принял этот, с позволения сказать, душ, вытерся насухо и пригладил перед зеркалом свой русский ежик. Не знаю, как кому, а себе я нравился. Из подпорченного влагой зеркала на меня смотрел мужчина с правильными чертами лица, серыми глазами и ямочкой на подбородке, покрытом легкой модно подбритой щетиной. Писанный красавец, сказала бы любая барышня.

От этого зрелища у меня сразу поднялось настроение. Я прошел в гостиную и застал там Анну. Она сидела в кресле и ждала меня.

– Может, выйдешь?

– Мы же брат и сестра, – с кривой улыбкой заметила она.

– Я не привык переодеваться при дамах.

– Ты куда-то собрался?

Я чуть не брякнул про пропавший мобильник, но вовремя прикусил язык. Если они с Джо сообщники, пусть думают, что я болван, который ни черта не смыслит и не замечает их козней.

– У вас тут есть сауна? Или на худой конец паровая баня с этими... цветочными ароматами? Хочу развлечься, вкусить местной экзотики, – выкручивался я. – Девочку снять. Зря, что ли, тащился в этакую глушь? В глуши, говорят, самые пикантные девицы попадаются.

Анна брезгливо поморщилась.

– Ну ты и фрукт!

– Меня растлили столичные проститутки, до которых я большой охотник. Благодаря папиным денежкам я могу себе позволить любые удовольствия. Периодически меня тянет на свежину.

Она не понимала, шучу я или говорю серьезно, и смешалась. Моя скабрёзность покорила ее. Этого я и добивался.

– Хорошо, иди... – выдавила Анна, как будто я спрашивал у нее разрешения.

– Можно я переоденусь?

Она поднялась и вышла, хлопнув дверью. Интересно, что ее возмутило, мои слова или намерение выйти из-под контроля?..

Анна все-таки проводила меня до калитки с напутствием:

– Будь осторожен, Николай.

– У вас среди бела дня нападают на прохожих?

– Нет, но...

– Адью, крошка! – я флиртованно подмигнул ей и потянулся чмокнуть ее в щеку.

Она отстранилась. Я засмеялся и помахал ей рукой.

Машины я оставил во дворе, она обременяла бы меня. Куда проще бродить пешком по маленькому городку, где в разгаре курортный сезон.

За поворотом я замедлил шаг и посмотрел на часы. До вечера еще куча времени, и я решил прогуляться. Пообедать по-людски, заодно и телефон купить.

Должно быть, в центре Старого Крыма веселее. Но окраины здесь выглядят тоскливо. Корявые деревья на фоне грязно-белых заборов, старые орехи, нависшие над черепичными крышами, огромные лужи на дорогах.

На воздухе я почувствовал голод и заглянул в ближайшее кафе «Олеандр». Сумрачный зал и прогорклый запах кухни не вызывали доверия, но я надеялся расспросить завсегдатаев о Джо. Такого ловкача местные должны знать.

Посетителей в «Олеандре» было не густо. Бармен в бордовой жилетке поверх белой рубашки о чем-то переговаривался с длинноногой официанткой. Двое мужчин пили пиво за угловым столиком и закусывали мясной нарезкой.

– Не помешаю? – спросил я.

– Садись, третьим будешь, – милостиво ответили они.

Я опустил на стул и подозвал официантку, которая подошла и сунула мне меню.

– Солянка вчерашняя, – лениво сообщила она. – Жаркого нет. Шашлык будет только вечером. Люля-кебаб нести?

– И салат, если есть, – кивнул я.

– Сделаем.

– Эй, парень, – оживились мужики за столиком. – Надо бы знакомство обмыть.

– Непременно. Бутылочку «Медовой с перцем» подайте, – улыбнулся я сонной девице.

– Меня Петром зовут, а его – Васькой, – представились мужики. – Мы опохмеляемся после вчерашнего. Башка трещит, мочи нет. На крестинах гуляли. Тебя как величать-то, друг?

– Володей, – зачем-то солгал я.

Они сразу признали во мне отдыхающего. Полюбопытствовали:

– Здоровье поправлять приехал?

– Ага. Скука тут у вас смертная, – подтвердил я. – Хотя бы в картишки с кем-нибудь перекинуться.

«Медовая с перцем» сблизила нас, и мужики начали наперебой давать мне советы, как развеять скуку. Лазать по горам я отказался, посещение музеев Грина и Паустовского отверг, сауну и турецкую баню тоже.

– Привередливый ты, Вован, – по-свойски подтрунивал надо мной Васька. – Тогда телку грудастую найди, покувыркайся с ней от души. Жену-то, поди, не взял с собой.

– Не взял, – признался я.

– Наш человек! – одобрил мое поведение Петр. – Сразу видно. И выпить не промах, и насчет баб. Любишь баб?

– Я играть люблю. Не составите компанию?

– В карты? Не-е-е! Мы не по этим делам.

– Я слышал, у вас местная знаменитость имеется, – гнул я свою линию. – Любого обыграть может, хоть в покер, хоть в преферанс, хоть в очко.

– Джо, что ли? – расплылся Васька. – Калиостро?

– Калиостро? – удивленно переспросил я.

– Кликуха у него такая. Его Иваном зовут. Он с детства ловкий на руку и черный, как итальянец. Вот и прозвали его Джованни, потом укоротили до Джо.

– А почему Калиостро?

– Потому! Играет нечисто. Плутует, блин, а не поймаешь. Он карты видит насквозь, будто рентген. Они его слушаются, как тигры дрессировщика. Щелкнет пальцами, они лягут, куда ему надо и как надо. Мастер! Был такой итальянский жулик, Калиостро, тоже гораздый дурить

народ. Джо, когда выпьет лишку, хвалится, что он – тот самый итальяшка и есть. Он чуток того... с приветом. Любит всякую чушь болтать, язык-то без костей. Но карты – его стихия.

– Да ну? – засомневался я. – Разводите меня?

– Вот те крест! С Калиостро лучше не садиться играть. Продуешь все! Обдерет тебя как липку, и не подкопаешься.

«Калиостро... Калиостро, – торопливо рылся я в памяти. – Был такой известный авантюрист... давно, еще в восемнадцатом веке, если не ошибаюсь».

– Меня он не проведет. Я привык смотреть в оба.

– С ним смотри – не смотри, все одно, – поддержал приятеля Петр. – Жалко нам твоих денег, парень. Обчистит тебя Джо, моргнуть не успеешь. Даже на обратный билет не останется. У него глаз черный!

– Я не суеверный, – уперся я. – В слаз не верю. Сам могу сглазить кого угодно. Сведете меня с этим вашим Калиостро?

Мне было интересно, что они ответят, как поведут себя. Мужики пригорюнились, одновременно покачали головами, словно китайские болванчики.

– Не сведем, и не проси! – отрезал Петр. – Нешто мы враги себе? Нам неприятности с ментами ни к чему. Ты, судя поговору, москвич?

Я не стал отпираться, и приятели мрачно переглянулись.

– Москвичи, они завзятые, – добавил Васька. – Сначала в азарт войдут, нипочем не оставишь, а потом проиграются в пух и прах, да к ментам бегут. Верните, мол, наши денежки!

– А что, был прецедент?

Васька с Петром, уже изрядно поддатые, мудреного слова не поняли, но смысл вопроса уловили.

– Джо не одного молодца обчистил до нитки, и с тобой управится. Если хочешь знать, его не раз побить пытались... да все без толку. Заляжет на дно, будто сквозь землю провалится, и сидит хорьком в норе.

Бутылку «Медовой» опустошили, а разговор еще не коснулся Анны Ремизовой, – крутился около Джо, который оказался темной лошадкой.

– Задумался? – обрадовался Петр. – То-то! Нам тебя подставлять неохота, Вован. Ты нас угощаешь, мы теперь друзья как-никак.

Он выразительно глянул на пустую бутылку. Я намек понял и подозвал официантку. Вторая порция водки подбодрила приятелей, они заметно оживились.

– Джо хитрый, как лис, – помявшись, вымолвил Васька. – Он и по картам мастак... и могилки разорять не гнушается. Ходят слухи, он с мертвецами на короткой ноге.

– То есть? – не понял я.

Петр выразительно повел в воздухе пятерней, указывая на потолок.

– Ну... связи у него с потусторонним миром. Умеет чувак договориться с покойниками. Они ему расскажут, где лежат сокровища, а он и рад стараться. Клад не каждому в руки дается... его нечистая сила охранять приставлена. Заветное слово знать надо. У Джо в роду все на сокровищах помешаны. И папаша, упокой Господи его душу, и дед, и прадед.

– Выходит, он еще и кладоискатель?

– Вроде того, – подтвердил Васька слова приятеля. – У нас тут в старину большой торговый город был, Солхат назывался. Многие надеются золотые монеты отыскать, еще с тех времен богатыми купцами запрятанные. Специальные штуковины используют, которые металл под землей чуют и сигнализируют.

– Находят что-нибудь?

– Бывает, – оглянувшись по сторонам, сообщил он. – Только про то никто болтать не станет. Клады тишину любят. А кто шумит, может плохо кончить. Охотников до золота хоть отбавляй.

Упоминание о том, что Джо имеет «связи» с мертвецами, при всей его несуразности, меня насторожило. Вдруг этот жулик и его подружка – просто парочка сумасшедших? Поди разбери, чего от них ждать? Я привезу сестричку в Москву, пушу в свой дом, а за ней вскорости и Джо подтянется. Начнут они стоять козни за моей спиной... чтобы наследство оттяпать.

«Нет, братцы! Зря вы губы раскатали! – сердито подумал я, глядя, как Петр разливает в рюмки янтарную водку. – Не видать вам легкой добычи! Отец хоть и принимал участие в моем воспитании от случая к случаю, но основы заложить сумел. Голыми руками меня не возьмешь. Не по зубам вам Николай Крапивин! Уж я за себя постоять сумею...»

– ...на бриллиантах свихнулись! – донеслось до меня, и я сообразил, что пропустил большую часть Васькиной тирады.

– Бриллианты? – скептически повторил я.

– Дело дурное, – опасливо прошептал Петр, наклоняясь ко мне через столик. – Но мы тебе как на духу, б-братан...

Он здорово набрался и едва ворочал языком, не замечая косых взглядов приятеля. Впрочем, тот тоже начал клевать носом. За разговором они опрокидывали рюмку за рюмкой и в какой-то момент превысили критическую дозу. Алкоголь усыпил их сознание, снял запреты на информацию. Та полилась бурным потоком, и я с трудом отделял зерна от плевел.

Из этого моря пьяной болтовни мне удалось выловить крупницы смысла, который сводился к следующему: у Джо есть подружка «с прибабахом», такая же повернутая на бриллиантах, как он сам. Они строят из себя черт знает кого, несут сущую ахинею, и все давно махнули на них рукой. Джо возомнил себя кудесником и чародеем, хотя при этом чудом сводит концы с концами, а его любовница, Нюрка Ремизова, и того хуже – чуть ли не побирושка. Живет на подачки своего хахалю. С работы ее поперли, что неудивительно. С больной головой в медицине делать нечего.

– Она медсестрой была? – уточнил я, проверяя слова Анны.

– Ясное дело. Как и ее мамаша, – закивал Васька. – В этом... в санатории. Сначала Нюрку в санитарки перевели, а потом вовсе попросили. Баба – дура дурой, но гордая. В посудомойки не пошла, в уборщицы тем более. Так и сидит на бобах.

– Разве Джо мало приносит его карточный промысел?

– Шальные деньги как п-приходят, так и уходят, – с дивной для пьяного рассудительностью заявил Петр. – Калиостро живет моментом: сегодня к-король, завтра нищий. Весь выигрыш может спустить за один вечер в ресторане. У него реально к-крыша едет.

– У Джо душа широкая, – хрипло засмеялся Васька. – Он бриллиантами бредит. А остальное ему пофиг!

– Кто с ним и-играть-то будет? – громко икнул Петр. – Его же все знают как облупленного. Если только отдыхающего охмурит, да и те в последнее время п-прижимистые... большие ставки делать не торопятся.

– В казино вашему Калиостро идти надо, – ухмыльнулся я. – Там денег куры не клюют.

– Есть у нас пара подпольных з-заведений. Но Джо везде засветился, всюду в черном списке. Его туда и на порог не пустят. Неудивительно, что он с Нюркой спутался. Другие-то бабы шарахаются от него, как черт от ладана.

– Гы-гы-гы-гы! – загоготал Васька, показывая желтые от курева зубы.

– Че ты ржешь? – обиделся собутыльник. – Человек с-спрашивает, я отвечаю.

– А что Нюрка, тоже картежница? – поинтересовался я.

– Да не! – мотнул головой Васька. – Странная она, будто не в себе. Кстати, тут неподалеку живет... на Верхней улице. Джо частенько у нее кантуется. Кажись, у ней новый хахаль объявился. На крутой тачке. Вот Джо взбесится. Убьет Нюрку, как пить дать!

– Точно. Порешит, – стукнул кулаком по столу Петр. – Он м-мужик горячий. Сущий итальяшка. Отелло!

– Отелло был мавром, – пробормотал я, вставая.

Меня вдруг взволновала судьба сестры. Все же родная кровь. А ну, как и правда карточный шулер ее прибьет? Не могу же я дать барышню в обиду?..

На ум пришли слова Джо, которые он вчера обронил на крыльце, прощаясь с Анной: «После восьми... когда стемнеет...»

Глава 6

Из кафе «Олеандр» я отправился бродить по городу. Приобрел новенький сотовый, но отчего-то не торопился звонить в Москву и сообщать, где я. Потом заглянул в Интернет-клуб. Нашел нужные сайты, поболтал с местными копателями и договорился о встрече с одним из них по прозвищу Сим. Представился ему новичком, который не корысти ради, а исключительно для удовольствия готов спонсировать поиски сокровищ.

Сим оказался сухопарым жилистым парнем лет двадцати пяти – двадцати шести. Он приехал в назначенное место на заляпанном грязью скутере и долго кормил меня баснями, которые не выдерживали никакой критики. Я с трудом заставил себя слушать, не перебивая.

Когда Сим выдохся, я задал ему вопрос:

– Как насчет брюликов? Я кое-что слышал... но не поверил.

– Туфта все это! – презрительно фыркнул парень и разразился новой тирадой, еще более фантастической, чем предыдущая.

– Туфта? – дождавшись паузы, переспросил я.

– Она самая, – безапелляционно заявил Сим. – В нашем деле беспробудных мечтателей – завались! Народ на выдумки горазд. Ты типа новенький, а я на этом собаку съел. Ты меня слушай.

– Потому я на тебя и вышел, – радостно кивал я. – Мне опытный человек нужен. А все-таки есть подоплека у болтовни про камни?

Парень взял свою кепку за козырек и надвинул пониже, словно прятал от меня глаза.

– Подоплека-то есть... только вот камешков нет. Подоплеку под любую сказку подвести можно. Опасная штука – брюлики. На этой почве у нас некоторые просто свихнулись.

Я решил проявить свою осведомленность и брякнул:

– Имеешь в виду Калиостро?

– Ты уже в теме? – усмехнулся Сим. – Как же! Калиостро – наша местная достопримечательность. Чародей гребаный! Ты бы поговорил с ним, сразу бы понял, что у него не все дома. Мужик родился и вырос в Старом Крыму, а твердит, что он был знаком с самим библейским Ноем и помнит потоп! Сечешь?

– Ух ты!

– Еще он называет себя египетским масоном, – добавил парень, поглядывая на меня из-под кепки. – Алхимиком и целителем, которому типа известен рецепт эликсира вечной молодости! А у самого, кроме как к картам, ни к чему больше руки не лежат.

Я вспомнил облик Ковбоя Джо, не удержался и прыснул.

– Смешно, да? – поддержал меня Сим. – Сам посуди, в здравом уме человек или сбрендил! Калиостро, если хочешь знать, ни дня не работал, перебивается случайными выигрышами и мошенничеством. Он тебе еще никакой «чудодейственный бальзам» не втюхал?

– Просвети меня, неопита, насчет брюликов, – попросил я. – Выходит, это полная чушь?

– Не совсем... – замялся Сим.

– Тогда расскажи, в чем тут прикол.

– Если времени не жалко, слушай...

Его история поразила меня не столько интригой, сколько обилием фактов, которые казались совершенно невероятными. Чего там только не было намешано, начиная с ожерелья, которое умыкнули из-под носа французской королевы Марии-Антуанетты, и заканчивая скандальным судебным процессом. В афере с ожерельем принимал участие сам граф Калиостро, – не местный самозванец, а самый что ни на есть настоящий шарлатан, который в далеком восемнадцатом веке сумел обвести вокруг пальца знатных особ при многих европейских дворах.

«Значит, не зря Джо называют Калиостро, – отметил я про себя. – Тут заложен некий смысл. Я пока не вник в суть вопроса, но это поправимо. Непонятно, какую роль в интриге играет Анна... и что уготовано мне».

«Время покажет, – успокоил меня второй Нико. – Не суетись, но и не лови ворон, дружище».

– Ты Дюма читал? – вклинился в мои размышления Сим.

– Ну читал...

Я назвал «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо», чем несказанно развеселил кладоискателя. Он хохотал, приседая и хлопая себя по коленкам.

– Что смешного-то? – недоумевал я. – Эти книжки все читали. Разве не так?

– Так, так, – подтвердил тот, продолжая похохатывать. – Стало быть, «Ожерелье королевы» ты не осилил?

– Оно мне не попадалось, – искренне сказал я. – Я читал то, что мне подсовывала матушка.

Я умолчал о том, что бестселлеры Дюма-отца читал на языке оригинала, то бишь на французском. В нашем роду были обрусевшие французы, вероятно, поэтому мне легко давался этот язык.

– Дюма не парился по поводу исторической достоверности, – разглагольствовал Сим. – Сюжетная линия «Ожерелья» завязана на скандале в благородном семействе. Типа королева втайне от мужа запускала белую ручку в государственную казну и потягивала оттуда на роскошные украшения. Развели в стране бардак, забили на все, вывели простой люд из терпения. В результате оба потеряли голову на гильотине! И бедняга Людовик, и его расточительная супруга...

– Мария-Антуанетта? – уточнил я, ощущая себя героем водевиля.

Этот кладоискатель меня разыгрывает, пользуясь моим дремучим невежеством. Хотя... чем черт не шутит?

Мы еще немного поболтали о знаменитых бриллиантах, я пообещал Симу деньги на металлоискатели, он дал мне свой телефонный номер, и мы расстались добрыми друзьями. Он вскочил на скутер и умчался счастливый.

Парень не воспринимал всерьез интерес новичка к камушкам, зато надеялся за мой счет оснастить свою группу современным оборудованием. Его гораздо больше привлекали древние монеты, которые можно было продать нумизматам.

Я ощутил голод, спохватился и посмотрел на часы. Половина четвертого! Время пролетело стремительно, и я поспешил перекусить. Нашел приличный ресторанчик, заказал себе борщ и две порции котлет без гарнира. После сестриной стряпни ресторанная еда казалась невероятно вкусной. Двойной кофе взбодрил меня, и я заторопился домой. Может, мне удастся вызвать Анну на откровенность перед тем, как она уйдет на свидание к своему Ковбою? В крайнем случае намекну ей, что это свидание чревато опасными последствиями. Не исключен летальный исход...

* * *

– Есть будешь? – равнодушно спросила она, когда я прошел в закопченную кухню. Запах подгорелых макарон вызвал у меня приступ тошноты.

– Я не голоден. Рискнул, попробовал ваших старокрымских чебуреков, – соврал я. – Жуткая гадость. Надеюсь, обойдется без промывания желудка.

Анна молча кивнула. Она сидела за столом и пила чай маленькими глотками. Мыслями она витала в заоблачных даях. Я исподволь наблюдал за ней. Что она чувствует ко мне?

Зависть? Раздражение? Злость? Жалость? Нет, пожалуй, ей не до этого. Она поглощена чем-то своим... затаенным, скрытым от всех.

«Как подобрать ключик к тебе? – гадал я. – Откройся... ведь мы не чужие друг другу».

Очевидно, Анна так не думала. Она отставила чашку, вздохнула и пригладила волосы. В этот момент она даже показалась мне красивой. Было в ней что-то необычное, какая-то изюминка. Но стоило мне представить рядом с ней Джо, как все очарование улетучилось.

– Хочу выпить, – заявил я. – Составишь мне компанию?

По дороге я прихватил из машины бутылку коньяка и оставил ее в гостинной.

– Я не пью, – отказалась Анна.

– Что так?

– Мне нельзя. У меня виде́ния. Когда выпью, проваливаюсь куда-то. Мерещатся всякие ужасы.

– К врачу обращалась?

– Я не сумасшедшая, – обиделась она.

Я понял, что связывает ее с Ковбоем-Джо-Калиостро: они оба ненормальные. Он по-своему, она по-своему.

– Я не о том, – проникновенно возразил я. – У людей бывают различные отклонения. Сейчас этим никого не удивишь. Но помощь специалиста не помешает. В Москве я смогу устроить тебя в хорошую клинику.

Глаза Анны сверкнули злым огнем.

– Хочешь упечь меня в психушку?

– У меня благие намерения, поверь. Я готов заплатить за твоё лечение.

– Пошел ты...

Она отвернулась, но не двинулась с места. Родинка над ее губой вздрагивала, вернее, у Анны дрожали губы. Она вот-вот расплачется.

«Кто тебя тянул за язык? – сокрушался второй Нико. – Какого черта ты сморозил про клинику? Теперь ты не заманишь ее в Москву никакими посулами, остолоп!»

Вопреки всему, во мне теплилась надежда на успех. Я сумею перехитрить эту забитую провинциалку. Она будет танцевать под мою дудочку, а не наоборот.

– Ладно, не бери в голову! – беззаботно воскликнул я. – Не хочешь ехать со мной, сиди в этой хибаре до второго пришествия. Жди, пока Джо принесет тебе ворованные деньги.

– Тебя забыла спросить, что мне делать, – огрызнулась Анна, сдерживая слезы. – Джо не ворует, между прочим.

– Угу, – саркастически усмехнулся я. – Он честный шулер.

О пропаже сотового телефона я предусмотрительно промолчал. Пусть думают, что имеют дело с лохом. Сегодня Ковбой загонит мобильник по дешевке, и они с Анной устроят пир. А потом Джо ее прикончит... из ревности.

Она упрямо наклонила голову и не заплакала. У нее было плохое настроение.

– Я тебе брат, а не враг.

– Слушай, отстань! – вскинулась она. – Ты же выпить хотел. Вот и пей!

Я с сожалением развел руками.

– Один не могу. Душа не принимает.

– Ах, какие мы порядочные! – с издевкой протянула Анна. – Какие церемонные! Ты, небось, платную гимназию посещал, потом за границей учился. В колледже для богатых, да? Тебя там хорошим манерам научили. А с нас, голодранцев, чего взять-то?

– Я тебе, кажется, ничего дурного не сделал.

– Да, прости, – порывисто вздохнула она. – Прости, Коля. Ты ни в чем не виноват. Мне просто паршиво. Не обращай внимания. Прости...

«Она предчувствует беду, – подумал я. – Джо что-то замышляет, и Анна догадывается об этом. Люди с психическими отклонениями бывают невероятно чуткими. Я должен вмешаться и не допустить трагедии!»

Мой пафос рассмешил меня. Положительно меня здесь все забавляет. Даже мои собственные эмоции. Оказывается, я вовсе их не лишен.

– Предлагаю выпить, – настаивал я. – Глоток коньяка придаст жизни теплые краски. Идем со мной, – я встал, обогнул стол и галантно подал ей руку. – Прошу!

Анна послушалась. Я привел ее в гостиную, откупорил бутылку и налил ей и себе в маленькие граненые рюмки. Шулер с лицом, поразительно напоминающим Джо, косо и лукаво смотрел на меня с картины. В правой руке он держал бубновую мелочь, а левой вытаскивал из-за пояса туза...

Интересно, что прячет за поясом Ковбой-Калиостро? Какую карту он приберет для меня? Я задал бы этот вопрос Анне, но боюсь, она не ответит.

– Откуда у тебя эта картина? – полюбопытствовал я.

– От мамы. Она у нас давно, сколько себя помню.

– А у мамы она откуда?

– От бабушки, – неохотно объяснила сестра.

– Семейная реликвия? – не унимался я.

– Типа того...

– Ты помнишь свою бабушку?

– Конечно. Она меня вынянчила. Мама с утра до вечера пропадала на работе, а мной занималась бабуля.

Я решил не форсировать события и сказал, поднимая рюмку:

– Выпьем за твое счастье.

– Мне нельзя, – повторила она, глядя, как я пью. – Ты забыл?

– Тогда хотя бы посиди со мной.

– Уже сижу...

Ее губы тронула робкая улыбка, и я внутренне затрепетал. «Дьявол тебя побери, Нико! – осадил меня мой беспощадный критик. – Это твоя сестра!»

– Да знаю я, знаю, – вслух пробормотал я.

Мне предстояло изобразить напившегося вусмерть гостя, который перестал соображать и владеть собой. Когда я окончательно свалюсь и захраплю, то усыплю бдительность Анны. Ей и в голову не придет, что следует меня опасаться.

Я незаметно бросил взгляд на часы. Стрелки приближались к семи. У меня есть время. Я налил себе вторую порцию и выпил.

– Ты много пьешь, – заметила сестричка после пятой рюмки. – И не закусываешь.

– Пожалуй, – согласился я. – Принеси мне чего-нибудь пожевать.

Анна недовольно пожала плечами, но отправилась в кухню за макаронами. Пока она отсутствовала, я схватил бутылку и выплеснул часть содержимого в форточку.

Вернувшись, Анна застала сильно окосевшего красавца, который допивал очередную дозу коньяка. Я не сомневался, что хорош собой в любом состоянии. Мои внешние данные испортить практически невозможно. Разве что расквасить мне физиономию. Я надеялся, что до этого не дойдет.

– Боже... – воскликнула Анна и чуть не выронила тарелку с отвратительнейшей из закусок. – Ты наклюкался! Я так и знала...

Я икнул и поднял на нее посоловельные глаза.

Она со стуком поставила передо мной макароны и посмотрела на бутылку. На дне еще оставалось на пол пальца коричневой жидкости.

– Н-налить? – заплетающимся языком предложил я.

– Спасибо, не надо!

– Т-тогда я сам д-допью...

Я выполнил свою угрозу и повалился на стол. Звякнула перевернутая рюмка, макароны посыпались на пол.

– Да что же ты творишь? – ахнула Анна. – Напился, как свинья! Ненавижу вас...

Кого она имела в виду, я так и не понял. Неужели нас с Ковбоем?..

Глава 7

Она выскользнула из дому в начале девятого, когда на улице стемнело.

«Как они и договаривались, – отметил я, вскакивая с дивана. – Интересно, Джо в самом деле замыслил убийство, или у меня разыгралась злая фантазия?»

Перед уходом Анна, осторожно ступая, заглянула в гостиную. Я громко всхрапывал, всем своим видом демонстрируя полную недееспособность. Это успокоило ее, и она, уже ничего не опасаясь, отправилась к своему ухажеру.

Дверь дома оказалась закрытой снаружи на ключ, и мне пришлось покидать его через кухонное окно. Я выпрыгнул во двор, услышал скрип калитки, постоял минуту и двинулся следом за Анной. Улица была плохо освещена, и женский силуэт то пропадал, то вновь вырисовывался впереди.

Я не сомневался, что сестричка направляется к Джо. Меня будто вел кто-то невидимый, не давая потерять Анну на темных извилистых улочках, которые то ныряли вниз, то поднимались вверх.

Я продрог. Со стороны Феодосии дул холодный ветер, проникая под мою тенниску. Наверное, у меня был нервный озноб, потому что я довольно быстро шагал, едва поспевая за Анной, и должен был бы согреться.

«Ее подгоняет нетерпение, – рассудил второй Нико. – Барышня изголодалась по грубым ласкам жуликоватого бой-френда. Над ней властвуют низменные инстинкты».

Меня кольнула в сердце ревность, которую я немедленно подавил.

Анна привела меня к такому же неказистому и запущенному домишке, как и ее хибара. «Стало быть, они надеются поправить материальное положение за счет королевских бриллиантов, – не без сарказма подумал я, прижимаясь спиной к каменному забору. – Романтические мечтатели! Увы, сказка становится былью только в песнях. Жизнь не в пример жестче и прозаичнее».

Я выждал минуту, нащупал рукой ржавый крючок и открыл калитку. Собаку Джо не держал, ему бы себя прокормить. К дому вела самодельная железная арка, увитая виноградом. Из окна на крыльцо падал желтый свет.

К сожалению, окно было завешено портьерой. Дом не походил на обиталище «графа Калиостро». Аферист питал слабость к роскоши, насколько я помнил, и умудрялся жить на широкую ногу.

– Что ж, господа, простите за поздний визит, – прошептал я, поднимаясь по щербатым ступеням. – Сил нет, хочется подглядеть за вами в замочную скважину. Раньше я за собой не замечал столь порочных наклонностей. Благодаря вам я познаю скрытые стороны своей натуры.

Дверь Анна не заперла. Видимо, очень торопилась сообщить бой-френду о том, что столичный гость спит мертвецким сном, и самое время его обчистить. Впрочем, она могла бы позвонить, а не тащиться в такую даль.

«Ты непоследователен, дружище, – съязвил мой внутренний критик. – Собирался спасти женщину от неминуемой гибели, а сам подозреваешь ее в преступных замыслах. Ты уж определись!»

Я сообразил, что ни разу не видел у Анны сотового телефона. Вероятно, бедняжке не хватало денег для пополнения счета. Я устыдился своей скупости и тихо переступил порог маленькой веранды.

Внутри пахло сыростью и лежалыми вещами. Я замер, прислушиваясь и вглядываясь в полумрак чужого жилища. Где-то в недрах дома играла музыка. Меня здесь не ждали, и я испытал мимолетную неловкость.

В глубине тесного коридорчика брезжил свет. Я почему-то продолжал стоять, ругая себя за нерешительность. Вдруг я застану голубков прямо в постели? То-то будет потеха!

Внутренне я расхохотался, но внешне оставался настороженным и готовым к любой ситуации.

Сдавленный женский крик, заглушаемый пошлой попсовой песенкой, заставил меня забыть о правилах приличия и ринуться на звук. Я в три шага преодолел коридорчик и увидел душераздирающую картину, обрамленную дверным проемом. В обветшалой гостиной на полу лежал мужчина... рядом на коленях стояла Анна с безумными глазами.

Она не шелохнулась, когда я застыл на пороге, уставившись на труп Джо. То, что игрок был мертв, не вызывало сомнений. В его груди торчал нож. Скорее всего, кухонный.

– Зачем ты это сделала? – вырвалось у меня.

Анна даже не повернулась в мою сторону. У нее был шок. Я понимал, что вляпался в дрянную историю, но не смог оставить ее наедине с мертвецом. Воспитание не позволяло.

Руки у Анны были в крови, и я готов был поспорить, что на рукоятке ножа есть отпечатки ее пальцев.

Я подошел к ней, наклонился и ударил по щеке. Ее голова мотнулась, словно тряпчатая, потом она вскрикнула и дернулась. Наконец она меня увидела.

– Вставай, надо уходить отсюда, – процедил я, хватая ее за плечо.

Она вырвалась и села на пол, закрывая лицо окровавленными ладонями.

– Если нас здесь застукают, нам крышка, – воскликнул я, почему-то причисляя себя к ней и тому, что она совершила. – Бежим!

Она сидела в прострации, не понимая, чего я требую и вообще откуда я взялся. На ее щеках подсыхала кровь любовника, которой она измазалась. Похоже, они с Джо поссорились, и тот накинулся на нее. Анна убила его в состоянии аффекта. Кухонный нож нередко является орудием бытового убийства. Но когда они могли успеть повздорить? Ведь я вошел в дом всего на пару минут позже нее... и не слышал голосов.

Стоп! Я забыл, что в комнате играет музыка. Включенная магнитола стояла на тумбочке в углу. Ошарашенный увиденным, я перестал замечать звуки. Мое внимание приковали к себе труп и совершенно невменяемая женщина.

– Нас не догоня-а-ат... – выводило радио. – Нас не догоня-а-аат...

Слова никчемной песенки вдруг приобрели животрепещущую актуальность. Я достал из кармана носовой платок и тщательно вытер рукоятку ножа, стараясь не смотреть на мертвеца. Его полуоткрытые глаза словно наблюдали за мной, и меня передернуло. В комнате висел запах крови и сигаретного дыма. Пепельница на столе была полна окурков. Откупоренная бутылка крымского коньяка «Коктебель», блюдо с ломтиками лимона и два стакана говорили о том, что Джо ждал свою подружку. Они успели выпить совсем немного.

На всякий случай я протер еще и стаканы. Неизвестно, из какого пила Анна. А мне она твердила, что не употребляет спиртного. Маленькая наглая лгунья.

– Вставай! – зарычал я на сестру, силой поднимая ее на ноги. – Встряхнись же! Идем отсюда!

Она покорно побрела за мной, молчаливая и безвольная. В моем уме происходил напряженный диалог между двумя Нико. Один убеждал другого, что все подстроено, и Анна каким-то образом хочет меня подставить. Сначала у них с Джо был договор одурачить приезжего москвича и раскрутить его на деньги, но потом что-то пошло не так. Сообщники разошлись по ключевому вопросу, и Анна...

Я запутался и отбросил всякие мысли до лучшей поры.

Мы вышли из дома в сырую темноту ночи. Завывал ветер, бросая нам в лицо мелкие брызги. Дождь! – догадался я, радуясь тому, что на улице непогода. Меньше шансов встретить любопытного соседа или случайного прохожего.

Я шагал впереди, увлекая за собой Анну. Слава богу, никто не попался нам навстречу. Дождь усиливался.

– Это не я, – выдавила она мне в спину.

– Конечно, не ты!

– Кто-то убил его...

– Ага, – равнодушно подтвердил я. – Я видел.

Ее рука в моей ладони была холодной, как лед. Я обернулся и заметил, что она раздета и дрожит. Черт!..

– Где твоя ветровка?

– Там...

Разумеется, она сняла свою унылую курточку перед тем, как войти в комнату. Я бросил взгляд на ее ноги. В туфлях! Уже легче. Видимо, в халупе у Джо не было принято снимать обувь.

– Постой здесь, – приказал я Анне, не особенно рассчитывая на послушание.

Сбежит – так тому и быть. У меня гора с плеч упадет. Я не обязан возиться с ней. Мы знакомы всего ничего, а она уже втянула меня в серьезные неприятности.

– Ты куда? – жалобно пискнула она.

Но я уже бежал к домику игрока. Скользнуть внутрь, сорвать с вешалки куртку Анны и вернуться обратно было делом нескольких минут. Я удивился, застав даму на том же месте, где оставил ее. Она стучала зубами от нервного озноба.

– Одевайся!

Анна безропотно натянула на себя ветровку, но это не помогло ей согреться. Пока мы добрались до Верхней улицы, где она жила, оба промокли до нитки.

– Не хватало только простудиться и слечь, – бурчал я, стаскивая мокрую одежду. – Чего стоишь? Снимай все! Надо переодеться в сухое и выпить чего-нибудь.

Она застыла в ступоре, судорожно сжав руки. Ее губы посинели, волосы прилипли к щекам, взгляд был тусклым, потухшим.

Я принудил Анну сесть, снял с ее ног туфли, потом летние брюки. Она не сопротивлялась. Но когда я добрался до кофточки, она вдруг запротестовала.

– Мы брат и сестра, – сказал я. – Тебе нечего меня стыдиться.

Она упрямо оттолкнула мои руки. Мне ничего не стоило справиться с ней, но я счел насилие неуместным и сдался.

– Ладно, раздевайся сама, побыстрее. Я принесу полотенце и какой-нибудь халат. У тебя есть теплый халат?

Она не ответила. Кажется, до нее начало доходить, что произошло в домике Джо. Я со вздохом отправился в ее комнату, нашел в шкафу застиранный махровый халат и принес ей.

– Так дело не пойдет, – рассердился я, увидев ее в той же позе и в мокрой кофточке. – Воспаление легких нам ни к чему, детка. Как я повезу тебя в Москву больную?

Анна то ли не поняла моих слов, то ли ей было не до этого. Возможно, она все еще мысленно находилась там, в неопрятной гостиной своего бойфренда, и переживала содеянное.

– Теперь тебе придется уехать со мной, – заявил я. – У тебя нет другого выхода. Я знаю, ты не хотела убивать Джо. Он довел тебя. Ты защищалась. Нож лежал на столе... – Я вспомнил блюдце с ломтиками лимона и сообразил, как нож оказался у нее под руками. – Кто резал лимон? Ты или Джо?

Она опустила голову и застонала, не разжимая губ. Мне стало жаль ее. Я почувствовал себя сильным и брякнул:

– Не бойся. Я помогу тебе выкрутиться. Джо был плутом, а таких не любят. Любой, кого он обжулил в карты, мог прийти и свести с ним счеты. Думаю, здешние менты усердствовать

не будут. Спишут его смерть на бытовую драку, и вся недолга. Подозреваемых будет половина мужского населения городка.

Я вспомнил об украденном у меня мобильнике. Оставалось надеяться, что Джо успел загнать его по дешевке. Иначе...

«Ничего страшного, – успокоил я себя. – В случае, если мой телефон обнаружат на месте преступления, скажу, что вчера проиграл его убитому в карты».

Тело Анны сотрясала крупная дрожь. Я испугался, что у нее поднимется температура, и придется неделю лечить ее от простуды. А тем временем уголовное дело по факту убийства местного Калиостро наберет обороты. Кто знает, чем это обернется? В том числе и для меня. Васька с Петром могут заявить, что я расспрашивал у них про Джо. Поди потом оправдайся.

«Ты спасаешь барышню от тюрьмы, а она с радостью даст свидетельские показания против тебя, – прокаркал второй Нико. – Ты влип, дружище. Она тебя утопит, чтобы выйти сухой из воды!»

Я отмахнулся и принялся расстегивать на Анне кофточку, – в мокрой одежде она не согреется. В моих действиях не было ничего интимного, только родственная забота. Но сестра вдруг очнулась от оцепенения, вскрикнула и рванулась. Старая кофточка треснула, Анна попыталась вскочить...

Я не хотел насильно раздевать ее – так получилось. Я невольно сорвал с нее кофточку, и она извернувшись, закричала. У меня и в мыслях не было ничего предосудительного! Но то, что я увидел...

Теперь в ступор впал я, правда, на мгновение. Этого оказалось достаточно, чтобы Анна метнулась прочь и закрылась в душевой. Дверь в каморку, оборудованную для мытья, была хлипкая, и я мог выбить ее ударом ноги.

«Это уже перебор, Нико! – возмутился мой внутренний двойник. – Ты теряешь столичный лоск, парень, и превращаешься в зверя».

Я остановился, перевел дух и прислушался. Анна за дверью включила воду. Сквозь плеск водяных струй пробивались ее рыдания. Мне следовало бы извиниться... но я потерял дар речи. Мой язык прилип к небу, а горло пересохло.

Может, у меня сдвиг сознания на почве выпитого накануне коньяка?

«Чушь! – не согласился второй Нико. – Бывало, ты выпивал и побольше. Алкоголь не затуманивает тебе мозги до такой степени!»

«Она что-то подсыпала мне в коньяк, – защищался я. – У меня глюки!»

«Тебе не стоило ехать сюда и ввязываться в чужую жизнь, – парировал он. – Ты изменил своему принципу: не вмешиваться в то, что тебя не касается».

«А как же последняя просьба отца?»

На это мой двойник не нашел ответа и заткнулся.

«Что же ты все-таки увидел? – полюбопытствовал он после вынужденной паузы. – Татуировку «якудза» на теле милой девушки?»

Кто не помнит кадра из фильма о трех мушкетерах, когда потрясенный любовник замечает клеймо в виде лилии на плече Миледи?

Примерно такое же выражение лица было у меня, когда кофточка Анны сползла, и моему взору открылся знак на ее груди, чуть ниже левой ключицы.

– Боже! – пробормотал я, прислушиваясь к звукам в душевой, где заперлась сестра.

Наверное, я побледнел и покрылся испариной. В этом городке творятся дикие вещи. Или у меня горячечный бред.

Я вспомнил, что в кармане моих джинсов до сих пор лежит платок, которым я вытирал рукоятку ножа, торчавшего из мертвого Джо. Я оставил барышню в покое и кинулся во двор избавляться от улики. Платок с пятнами крови я облил бензином и поджег. То же пришлось проделать с кофточкой и брюками Анны.

«Следы крови могли остаться на стенках кармана!» – вспыхнуло в моем мозгу.

«Не суетись, Нико, – рассердился мой двойник. – Мне больно смотреть на тебя. Где твоя хваленая выдержка, которой ты так гордился?»

Мне стало стыдно. Хорошо, что Анна не видела моих лихорадочных действий. Все же я вывернул карман и торопливо застирал его.

«Да ты трусишка, мой милый, – развеселился второй Нико. – Трусишка и паникер! А строишь из себя супермена. Кто будет проверять твои карманы?»

Моя голова трещала от мыслей.

Нельзя медлить с отъездом. Я начал собирать сумку, но едкие комментарии двойника задели меня за живое.

«Ты не только трус, но и болван, – разошелся тот. – Ни в коем случае нельзя увозить Анну сразу же после убийства. Этим ты навлечешь на нее подозрения. Пусть она даст свидетельские показания, если кто-нибудь удосужится поговорить с ней. В конце концов, вы можете подтвердить взаимное алиби».

– Алиби... – выдохнул я. – Ну конечно. Не зря я читал детективы вместо классики. Сейчас пригодятся почерпнутые оттуда знания.

Я остыл, прекратил судорожные метания. И вернулся к двери в душевую. Анна все еще мылась... или плакала, но уже беззвучно. Я слышал только плеск воды.

– Анна! – крикнул я и постучался к ней. – Ты в порядке? Открой, ради бога. Я хочу извиниться.

Она выключила душ. За дверью воцарилась настороженная тишина.

– Открой, – повторил я значительно мягче, чем в первый раз. – Нам надо поговорить.

Брякнул шпингалет, и дверь сама собой приотворилась, из душевой повалил пар. Анна молча стояла там, завернутая в мое большое синее полотенце. Ее лицо опухло от слез.

– Ну что, *видел*? – с вызовом спросила она.

Я обескураженно кивнул.

– Не вздумай ни о чем расспрашивать. Все равно не отвечу.

– Захочешь, сама расскажешь.

– Жди, дожидайся...

Она дерзила, забыв о том, что я прикрываю ее.

– Я не враг тебе, – примирительно вымолвил я.

– Ты шпионил за мной! Прикинулся пьяным, а сам крался следом!

– Скажи спасибо, что я оказался рядом.

– Спасибо, – криво улыбнулась она. – Теперь сдашь меня в ментовку?

– Фу...

– Не нравится мой грубый слог? Так я в сестры не напрашиваюсь. Вали, откуда явился!

– Гонишь меня? А как же алиби?

– Какое алиби? – повернулась она, смерив меня испепеляющим взглядом. – Я ни в чем не виновата. Стало быть, мне алиби ни к чему.

– Почему у тебя руки были в крови?

– Я думала, Джо еще живой... нечаянно прикоснулась...

«Она запросто может свалить вину на тебя, – бубнил второй Нико. – Скажет, что вы с Джо ссорились, ты ему угрожал. Потом отправился к нему играть, а когда остался без гроша, пришел в неистовство и прикончил удачливого Калиостро. Анна, заподозрив неладное, кинулась следом и застала тебя на месте преступления, прямо над трупом. Чем ты будешь крыть? Твое слово против ее слова, дружище».

– Как бы не так, – усмехнулся я. – Я шел за тобой по пятам... в доме, кроме тебя и Джо, никого не было.

– А ты проверял?

– Джо был еще теплым, и кровь не успела свернуться.

– Ты эксперт?

– Я все понимаю, Анна... и не собираюсь подставлять тебя. Наоборот, я готов помочь тебе выпутаться. Во имя нашего отца, который хотел позаботиться о тебе.

– Хотел? Где же он был все эти тридцать лет?

Должен отметить, она выглядела гораздо моложе. Я бы дал ей не больше двадцати пяти. Тело упругое, стройное, кожа гладкая, без единой морщинки.

– Отец не знал о твоём существовании.

– Да? А с мамой он как поступил? Поматросил и бросил?

– Мертвых не судят, Анна.

Она помолчала, глотая слезы, потом подошла ко мне, обдавая запахом ромашкового мыла, и неожиданно прильнула к моей груди, шепча:

– Ты мне веришь, Коля?

– Верю, верю...

У меня язык не повернулся сказать другое. Она казалась такой несчастной, одинокой, жалкой в своей неприкаянности. И этот ужасный, позорный след под ключицей. Откуда он взялся? Ее пытали? Кто-то отомстил ей за поруганное чувство?

Я понимал, что сейчас бесполезно допытываться, что и как. Ситуация не располагает.

Я обнял ее и прижал к себе, ощущая тепло и трепет ее тела. Разумеется, это было братское объятие. Кровь ударила мне в голову, еще немного, и...

– Идем в комнату, – приказным тоном заявил я, пугаясь нахлынувшего желания. – Велика вероятность, что к нам завтра заявится следователь с обычными в таких случаях вопросами. Нужно подготовиться.

Она сникла и покорно дала увести себя в гостиную.

– У тебя был роман с Джо? – спросил я, когда она оделась в халат и уселась на диван, поджав ноги.

– Мы встречались.

Она не отрицала любовной связи с этим проходимцем. Ей было некуда деваться под моим пронизывающим взглядом.

– Как давно?

– Тебе не все равно? Ну год!

У меня накопилась к ней куча вопросов, но я не торопился их задавать. После, когда все уляжется, и мы уедем в Москву, настанет мой час...

Глава 8

Подмосковье, деревня Черный Лог

Этой ночью Глория несколько раз просыпалась. Ей опять приснился странный сон, который как будто бы повторялся, но каждый раз в нем появлялись новые персонажи и новые подробности.

Бесконечная анфилада комнат с высокими потолками, вереница зеркал и отраженные в них свечи... за окнами – благоуханный темный сад, полный шума листвы, шепота и приглушенного смеха. По широким аллеям прогуливаются дамы, кавалеры, короли и шуты, монахи, ангелы и демоны... а над ними порхают толстошекие амуры. В глубине сада скрыты мраморные беседки, прохладные гrotты и романтические развалины, населенные жуткими призраками. На небе серебряным блюдом висит луна...

В одном из закоулков сада Глория наткнулась на прелестную девушку, которая вела на поводке смиренного льва. Она в страхе посторонилась, но лев и ухом не повел, шествуя рядом со своей хозяйкой.

– Вы укротительница? – осмелилась спросить Глория, но девушка только улыбнулась в ответ.

Глория заблудилась в ночных аллеях, зацепилась платьем за какой-то сук, вскрикнула и обернулась. *Это был не сук!* Ее поймал за подол повешенный...

– А-ааааа! – завопила она, тщетно пытаясь вырваться.

Молодой человек висел вниз головой, привязанный за ногу к дереву. Он не собирался отпускать Глорию.

– Мне скучно висеть одному, – заявил он, глядя на нее снизу вверх. – Присоединяйся!

– А-а-а-ааааа! – в ужасе взвизгнула она. И... проснулась.

В спальне никого не было. Она села на кровати и протерла глаза. Сквозь тонкие занавески на ее подушку лился белый свет луны. На противоположной стене резвилась «Русалочья охота» – средневековые всадники скакали к лесу в сопровождении своры гончих...

Глория каждое утро видела эту сцену, вытканную на гобелене. Почти все убранство дома досталось ей от прежнего хозяина, умершего карлика Агафона¹. Она нарочно ничего не меняла. Чтобы не огорчать бывшего владельца, который не торопился покидать свое жилище. Во всяком случае, Глория постоянно ощущала его присутствие. И это было приятно.

Любой другой на ее месте испугался бы. Но Глорию связывало с Агафоном нечто большее, чем короткое знакомство и едва завязавшаяся дружба.

– Что бы это значило? – пробормотала она, вспоминая свой сон.

– Ты не догадываешься?

Карлик был тут как тут. Он сидел в своем любимом креслице, свесив ножки и покачивая красивой головой. Его мягкие волнистые кудри рассыпались по непомерно широким плечам. Абсолютное совершенство лица сочеталось в нем с абсолютным безобразием фигуры. И это сочетание порождало в сознании Глории опасную смуту.

– Ты мне снишься, – сказала она, с удовольствием глядя на Агафона. Его уродство не смущало ее и уже не вызывало стыдливой жалости.

Карлик не нуждался в ее сочувствии. И это каким-то образом примирило Глорию с его отталкивающей внешностью.

¹ Подробнее читайте об этом в предыдущих романах серии «Глория и другие».

– И да, и нет, – усмехнулся он губами греческого бога. – Я решил предупредить тебя.
– О чем?

– Так... о сущей безделице. Скоро тебе нанесет визит весьма загадочный субъект...

Глория не расслышала дальнейшего объяснения. Она внезапно выскользнула из спальни и оказалась в том же закоулке сада, где качался на дереве повешенный.

Кошмар не закончился. Повешенный намертво вцепился в ее подол и скалил блестящие в лунном свете зубы.

– Пусти! – дернулась она.

– Не раньше, чем придет время, – осклабился тот.

– Ах ты негодник! – с этими словами из-за подстриженной зеленой изгороди выскочил мужчина в парике, кружевной рубаше и панталонах. Воинственно размахивая в воздухе саблей, он двинулся вперед.

– Кажется, пора... – хихикнул повешенный и разжал пальцы.

– Вы освободили меня, – вымолвила Глория, с признательностью глядя на незнакомца.

– Не стоит благодарности. Еще увидимся...

Она опять проснулась. На сей раз окончательно. О ночном приключении напоминал надорванный подол ночной сорочки. Креслице, где любил сидеть Агафон, пустовало.

Глория взглянула на часы и обомлела. Они показывали без пяти минут десять!

– Ничего себе...

В дверь кто-то поскребся. Это был Санта.

– Завтрак готов, – скромно сообщил он. – Изволите вставать?

– Почему ты не разбудил меня раньше? – возмутилась Глория.

– Не велено было...

– Велено – не велено! С каких пор ты соблюдаешь придворный церемониал? – разозлилась она. – К нам скоро гость явится, а я не одета.

Великан-слуга обиженно потупился. Он хотел как лучше, а получил выговор.

– Ладно, не дуйся, – рассмеялась Глория. – Что у нас на завтрак?

– Яичница и творожный десерт.

Она почувствовала, как проголодалась. Сновидения отнимали уйму сил, будто не спишь, а трудишься в поте лица.

– Хочу есть, – сказала она.

Санта просиял и скрылся за дверью. А Глория отправилась в ванную...

* * *

После завтрака она вышла во двор и устроилась в беседке. Под птичий щебет хорошо думалось. Деревянные скамейки нагрелись от солнца, ветер приносил из сада запах яблок и скошенной травы.

Глория вспоминала слова Агафона о предстоящем визите «загадочного субъекта». Кто бы это мог быть? Новый клиент?

Она старалась представить себе визитера, но в голову лез только господин в парике, который во сне пришел ей на помощь. «Теперь я ему должна?» – лениво размышляла Глория, разморенная едой и утренним солнцем.

Невольно ей на ум пришла девушка, умиротворяющая льва. Неужели это она сама?

– Наконец-то, – радостно прошептал карлик у ее уха. – Тебе предстоит опробовать свои силы. Главное – не робей. И ничему не удивляйся.

– Ты где? – спросила она в пустоту.

Вместо ответа зажужжала газонокосилка. Это Санта выкашивал траву под деревьями. Глория посмотрела в ту сторону, а когда перевела взгляд на скамейку напротив, то вздрогнула

от неожиданности. Там вальяжно расположился мужчина из ее сна – одетый по моде восемнадцатого века, в парик, кружевную рубашку и панталоны до колен. Его наряд довершали белые шелковые чулки и башмаки с округлыми пряжками.

– Разрешите представиться? – почтительно осведомился он. – Граф Алессандро Калиостро.

– Глория Голицына, – назвала себя она.

– Славная фамилия. Ваши предки оставили заметный след в российской истории.

Глория вежливо улыбнулась.

– Вы знаете, кто я, – добавил мужчина, склоняя голову вправо и щуря глаза.

– Кто же не знает графа Калиостро? – польстила ему хозяйка. – Чем обязана вашему визиту?

– Значит, к делу?

– К делу, – кивнула она.

То, что она беседует с призраком величайшего шарлатана и авантюриста, не пугало ее, а забавляло.

– Моя репутация сильно пострадала от людской молвы, – заявил граф. – Смею уверить, незаслуженно. Но Бог с ними, со сплетниками и лгунами. Они наказаны уже тем, что злобной клеветой отяготили свою карму. Разрешите, я внесу некоторые поправки в сочиненную ими «биографию» Джузеппе Бальзамо, более известного под именем графа Калиостро?

Получив согласие дамы, господин в парике произнес длинную речь. Он постигал тайные науки в храмах Востока, его учителем был сам Альтотас, владеющий оккультными знаниями Египта... словом, его громкая слава вполне соответствует его способностям, которые он не раз с блеском демонстрировал титулованным особам Европы и даже при царском дворе в Санкт-Петербурге. Но стал гонимым и преследуемым, в конце концов угодил под суд инквизиции и был приговорен к смерти...

По мере того как призрак говорил, перед Глорией разворачивались картины его бурной и захватывающей жизни. Вот он занимается алхимическими опытами в обществе самого гроссмейстера Мальтийского ордена... вот ликующая толпа несет графа на руках по улицам Парижа... вот он у постели тяжело больного... вот он дает показания на скандальном процессе об «ожерелье королевы»... вот его поднимают в корзине по отвесной стене тюрьмы замка Сан-Лео...

– Вся моя беда заключалась в том, что я всем сердцем полюбил женщину низкую, лживую и обольстительную, – подытожил Калиостро. – Страсть, которую я питал к ней, застлала мой разум. Мое *предвидение* капитулировало перед прелестями юной Лоренцы Феличиани. Я не хотел верить собственным догадкам и не скоро признал, что женат на шпионке иезуитов, которые вертели ею, как хотели. Она погубила меня...

«Каким образом?» – чуть не спросила Глория, ведь отрывочные данные о визитере, получаемые ею из неизвестного источника, не могли восполнить пробелы в истории Калиостро. Она не интересовалась его личностью настолько, чтобы быть в курсе всех поворотов его судьбы.

– Меня тоже стали называть шпионом иезуитов, – между тем сокрушался граф. – Хотя ни от чего я не был далек так, как от политики. Лоренца изменяла мне, плела интриги за моей спиной... а я не находил в себе сил прогнать ее. В России она вздумала очаровать Потемкина, чем вызвала гнев императрицы Екатерины... и нас в два счета выслали из страны...

Глория увлеклась придворными сценами времен Екатерины II и пропустила часть монолога странного гостя.

– ...пришлось вернуться во Францию, – донеслось до нее, и она наострила уши. – Мои планы по открытию Египетской масонской ложи провалились из-за Лоренцы. Ее флирт со светлейшим князем Потемкиным, как я уже говорил, положил конец нашему пребыванию в России. Но и в Париже меня преследовал злой рок!

– Снова Лоренца? – вставила Глория.

– Слабость плоти – вот мой заклятый враг! – с пафосом воскликнул Калиостро. – Я знал, с кем имею дело, однако любовное вождение толкнуло меня на кривую дорожку. Я поддался мольбам жены и угодил на скамью подсудимых. Лоренца, эта игрушка в руках иезуитов, оказалась вовлеченной в заговор, целью коего было свержение французской монархии. Ее роль, ничтожная по сути, склонила чашу весов в пользу бунтовщиков.

Он смущенно вздохнул и добавил:

– Ваш покорный слуга предсказал Великую французскую революцию², но не сумел избежать собственной фатальной ошибки. Любовь сильнее разума. А страсть слепа и глуха к призывам мудрости.

Глория не совсем понимала, в чем заключалось коварство Лоренцы, но воздержалась от вопросов. Сцены пребывания графской четы в Варшаве, Страсбурге, Бордо, Лионе и Париже мелькали в ее сознании с такой быстротой, что она не успевала проследить за развитием событий. Ее внимание выхватывало из череды «магических сеансов», «вызывания духов» и полных ужинов в парижском особняке Калиостро на улице Сен-Клод то волшебный шар, то зеркало, в котором полыхали молнии, то превращение железных гвоздей в золотые, то изготовление эликсира молодости, то...

Она тряхнула головой, пытаясь сосредоточиться на том, что говорил гость.

– ...Иезуиты свели мою жену с некой Жанной де Ламотт, – продолжал он. – Это знакомство стало началом конца для нас с супругой. Вы что-нибудь слышали об ожерелье из 629 отборных бриллиантов стоимостью в полтора миллиона ливров? Сумма баснословная, уверяю вас. Даже не знаю, с чем можно ее сравнить...

– Я смотрела фильм «История с ожерельем», – вспомнила Глория. – Если речь идет о...

Она осеклась, сообразив, что граф скорее всего не знаком с кинематографом и не поймет, что она имеет в виду. Ведь он умер гораздо раньше.

– Кино? – пожал плечами призрак и продемонстрировал полную осведомленность. – Отличное изобретение. Но лично я предпочитаю собственные впечатления. Как ни крути, а любой фильм – подделка действительности.

– С вами не поспоришь.

– Вернемся к ожерелью, – небрежно бросил Калиостро. – Итак, ловкая мадам де Ламотт окружила моего друга и почитателя, особу духовного звания кардинала де Рогана. Он был богат и принадлежал к древнему знатному роду. Ему не хватало лишь влиятельной должности при дворе. Королева отчего-то невзлюбила Рогана, и он был удален от дел. Тяжело переживая опалу, кардинал попался на удочку де Ламотт...

Глория подумала об Анне Австрийской и ее алмазных подвесках. У королей Франции издавна не складывались отношения с кардиналами, а бриллиантовые украшения фатально приносили им неприятности.

– В жилах графини де Ламотт текла королевская кровь, – продолжал гость. – Ее отец являлся внебрачным сыном Генриха II Валуа, и Жанна добавляла к своей девичьей фамилии де Сен-Реми еще де Валуа.

– Отсюда и ее непомерные амбиции, – догадалась Глория.

Граф согласно кивнул.

– Она росла в ужасающей бедности, оскорбительной для ее самолюбия, и едва оперившись, вышла замуж за гвардейского офицера, пройдоху и фата. Супруги мечтали жить роскошно, на широкую ногу, и не гнушались никакими средствами для достижения благополучия. Впрочем, вам это, вероятно, известно из фильма о похождениях сей злоумышленницы! –

² Великая французская революция конца XVIII в., ликвидировавшая «старый порядок».

презрительно вымолвил он. – Естественно, что госпожа де Ламотт быстро нашла общий язык с моей Лоренцой.

Калиостро махнул рукой в кружевной манжете со словами:

– Я сам виноват. Я сразу понял, чем грозит кардиналу заманчивое предложение, сделанной Жанной, однако...

– Вы пошли на поводу у Лоренцы?

Кадры из фильма «История с ожерельем» мешались в ее уме с картинами жизни рассказчика, и Глория запуталась, где правда, а где художественный вымысел.

– Пошел, – с горечью признался призрак. – Я не мог устоять, видя фальшивые слезы в пленительных очах плутовки! Будь вы мужчиной, сударыня, я дал бы вам совет: бойтесь женщин, которые делят с вами постель. К счастью, вам нечего опасаться.

– В этом смысле да, – улыбнулась Глория.

– Я совершил непростительный грех. Я покривил душой! – искренне раскаивался призрак. – Ради искусных ласк Лоренцы я предал кардинала де Рогана, доверяющего мне безраздельно. Я подвел человека, который уважал и ценил меня. Я поссорил его с королем и королевой. Я... опозорил его! – с неподдельным отчаянием вскричал он. – Без моего одобрения он бы ни за что не согласился на участие в предложенной махинации...

Пока граф безжалостно бичевал себя, Глория стала невольным свидетелем давней драмы, погубившей карьеру кардинала. Картинки молниеносно менялись, только успевай связывать их воедино.

Вот кардинал де Роган сидит за черным бюро. Он пишет письмо Марии-Антуанетте... и вручает его даме, укутанной в бархатный плащ...

Вот та же дама подает кардиналу ответное послание на бумаге с королевскими лилиями. Ему невдомек, что почерк королевы подделан...

Вот его преосвященство торопится на тайную аудиенцию. В дворцовом саду Версаля темно... в укромной аллее перед Роганом появляется дама под густой вуалью... он склоняется в низком поклоне...

Дама как две капли воды похожа на гордую, надменную Марию-Антуанетту. Кардинал очарован, растроган королевской милостью. Он не подозревает, что стал жертвой мистификации, вульгарного и дерзкого обмана. В роли королевы – пособница де Ламотт, малышка Николь, которую за поразительное сходство с Марией-Антуанеттой называют «маленькой королевой»...

Роган ослеплен, воодушевлен и... одурачен. Теперь у него отпали последние сомнения. Королева ждет от кардинала весьма щепетильной услуги. Он должен выкупить у ювелиров Бомера и Боссанжа алмазное кольцо стоимостью в целое состояние и тайно передать его Марии-Антуанетте, – через Жанну де Ламотт, разумеется. Скупердяй Людовик отказал жене в разорительной для казны покупке, и вся ее надежда на Рогана. Тот несказанно рад услужить ей и тем самым вернуть высочайшее расположение...

– Кардинал просил у меня совета, – каялся Калиостро. – А я обманул его! Ради Лоренцы, которая умоляла не говорить его преосвященству правду, я решился на бесчестный поступок. Мне нет оправданий. Я отважился на лжепророчество...

Он поник, спрятал глаза и едва слышно выдавил:

– Я сказал Рогану, что дело с ожерельем достойное и послужит добру. Я совершил подлость в угоду хитрой бестии в лице Лоренцы. И был за это наказан. Афера раскрылась. Лоренца улизнула, а нас с кардиналом заключили в Бастилию...

Глава 9

Драгоценные камни, особенно бриллианты, наделены собственной судьбой и нередко являются героями драматических приключений и настоящих трагедий. В этом они не уступают людям, а порой и превосходят их.

Король Франции Людовик XV заказал невиданное по количеству алмазов ожерелье для своей фаворитки мадам Дюбарри. Однако выкупить его не успел по весьма прозаической причине: он скончался. На трон вступил Людовик XVI, а ожерелье зависло. Ювелиры не теряли надежды продать его, но подобное украшение было далеко не каждому по карману.

Вся интрига Жанны де Ламотт сводилась к тому, чтобы от имени королевы вынудить де Рогана приобрести у ювелиров бриллиантовое кольцо и якобы передать его Марии-Антуанетте, которая обожала драгоценности. Выступая «посредницей» между кардиналом и королевой, графиня де Ламотт на самом деле собиралась присвоить камни себе.

Мария-Антуанетта, если верить ее словам, понятия не имела о сделке.

Роган, обнадеженный великим Калиостро, не подозревал, что его втянули в скверную историю. Не располагая необходимой суммой, он согласился произвести только первую оплату. Остальное обязалась частями выплатить сама королева. Ее виза на договоре была подделана, чего кардинал не заметил.

В назначенный час он передал футляр с бриллиантами в руки Жанны де Ламотт, как доверенному лицу Марии-Антуанетты.

Больше ожерелья никто не видел.

Его преосвященство, ожидающий обещанных милостей, забеспокоился. Королева не надевала дорогого украшения и не появлялась в нем на придворных торжествах. Де Роган почуял неладное и затворился в своем поместье.

Ювелиры не получили положенных им по договору выплат и обратились непосредственно к Марии-Антуанетте. Та заявила, что в глаза не видела никого ожерелья, пришла в негодование и пожаловалась королю.

Скандал набирал обороты...

Все это промелькнуло в сознании Глории в считанные минуты.

– Куда же подевались бриллианты? – спросила она у призрака.

– Есть вещи, которые скрыты даже от нас, ясновидящих, – развел руками тот. – И это величайшее благо, сударыня. Иначе наша жизнь превратилась бы в сущий ад.

– Вы правы... – задумчиво кивнула Глория.

– Впрочем, некоторые из нас не находят покоя даже в смерти!

Подул ветер из сада, где великан Санта косил траву, и Калиостро с наслаждением потянул носом.

– Чудесный запах, не правда ли? Почему люди не могут довольствоваться простыми радостями?

– Человек – странное существо, – усмехнулась Глория.

– Да... моя жизнь изобиловала путешествиями, чудесами, взлетами и падениями. Я много страдал. Страсть разбила мне сердце, а любовь на поверку оказалась подставой. Мудрость же не уберегла меня от непоправимых ошибок. Вы знаете рецепт счастья, госпожа Голицына?

– А вы?

Граф поправил сбившийся на сторону парик и тяжело вздохнул.

– Я сделал ставку на женщину... и проиграл. Я прибегал к алхимии, общался с духами мертвых, пытался исцелять человеческие тела и часто забывал о душе. Люди поклонялись мне и предавали меня. Я разочаровался во всем, что было мне дорого. Я...

Глория терпеливо выслушивала излияния Калиостро, который говорил о многом и ни о чем.

– Значит, никому не известно, где ожерелье, похищенное Жанной де Ламотт? – уловив момент, спросила она.

– Не похищенное, – поправил ее гость. – Заметьте, кардинал сам вручил мошеннице камни. Причем совершенно добровольно. Потом я не раз пробовал определить местонахождение знаменитых бриллиантов. Увы, я потерпел фиаско. Ни мое магическое зеркало, ни мой хрустальный шар, ни мои медиумы не смогли помочь мне обнаружить пропажу. Колье как сквозь землю провалилось.

– И что, никаких следов?

– Поговаривали, что муж графини укатил в Лондон и захватил украшение с собой. Будто бы он даже сбывал английским ювелирам камни, которые так грубо выковыривали из оправ, что нанесли повреждения. Ходили слухи, что другой сообщник Жанны набрался наглости и предлагал бриллианты по дешевке в Париже. Но слухи – всего лишь слухи.

– Графиню де Ламотт арестовали?

– Сначала пришли за мной и кардиналом де Роганом. Его вызвали к королю и потребовали объяснений, потом препроводили в Бастилию. Бедный мой доверчивый друг! Он искренне стремился услужить королеве и поплатился за свои амбиции. Вблизи трона находиться опасно, я не раз предупреждал его об этом. Впрочем, трон тоже не самое приятное место на Земле. Несчастный Людовик и его ветреная супруга кончили на гильотине. Жестоко, не правда ли? Еще вчера вы всемогущий властитель, а завтра вас ждут палач и плаха.

– Да, грустно, – кивнула Глория.

– Скандал с ожерельем усилил революционное брожение, французский трон зашатался, и Бурбоны пали, – торжественно провозгласил призрак. – Но это случилось позже. А до того нам с кардиналом пришлось несладко. Жанна де Ламотт все валила на нас. Будто бы это была не ее идея обманным путем завладеть бриллиантами, а наша. Роган давал показания против графини. Они топили друг друга, желая спасти если не доброе имя, то хотя бы свободу.

– А вы, граф?

– Я? – рассеянно переспросил Калиостро. – Благородный человек не сражается с дамой, кем бы она ни была. Моя природа не позволила мне обливаться грязью женщину, пусть и недостойную. Коварство происходит от слабости духа, не так ли, сударыня? А слабость осуждать бесполезно, ей можно только сочувствовать. Я сам пал жертвой собственной слабости, поддавшись на уговоры Лоренцы. Мне ли судить Жанну де Ламотт? Ею руководила алчность, мною – похоть. Мы оба хороши.

– Какую же цель преследовала ваша жена?

– За ее спиной маячили зловещие тени иезуитов. Они мучили воду везде, где удавалось. Вероятно, у них был какой-то замысел.

– Вы не разобрались, какой?

– В Бастилии меня больше занимала моя судьба и судьба де Рогана, которого я подвел.

– Что же вы отвечали на следствии?

– По существу дела ничего, – рассмеялся призрак. – Я рассказывал о том, как Моисей вывел израильтян из Египта, о взятии Иерусалима Готфридом Бульонским, о походах Александра Македонского. Всех их я знал лично! – похвастался он. – Потом описал картину извержения Везувия. Я был очевидцем!..

Глория с интересом его слушала и рассматривала. Призрак имел вид крепко сложенного широкоплечего мужчины со смуглым лицом и глазами навыкате. Он производил впечатление умудренного жизнью человека и одновременно наивного ребенка, не ведающего, что творит. Внешне он ничем не отличался от живого, разве что казался бледноватым и как бы невесомым.

Газонокосилка в саду умолкла, и Калиостро обрадовался наступившей тишине.

– К счастью, нас с кардиналом оправдали, – заключил он. – Видели бы вы ликование парижан, которые днями напролет толпились у Дворца правосудия! Было тепло, светило солнце. В воздухе пахло цветущими каштанами и революцией. Нас с Роганом несли на руках под восторженные крики людей...

– А Жанна? – перебила его Глория.

– Ей не удалось выкрутиться, – помрачнел граф. – Она испробовала все: отрицала свое участие в сделке, прикидывалась умалишенной, называла происшедшее шуткой и розыгрышем. В конце концов адвокат уговорил ее придерживаться одной линии защиты: якобы кардинал в самом деле выкупил у ювелиров кольцо по просьбе королевы, а Жанна всего лишь забрала украшение у де Рогана и передала Марии-Антуанетте. Из рук в руки. Поскольку ожерелье было слишком известным, королева приказала тайне разобрать его по камешку и изготовить новое. Несколько мелких бриллиантов перепали графине де Ламотт за услугу.

– Ей не поверили?

– Разумеется, нет. Судьям надо было кого-то наказать, и вся тяжесть обвинения обрушилась на Жанну. Ее публично высекли на Гревской площади и поставили позорное клеймо.

Глория живо вспомнила леди Винтер из «Трех мушкетеров».

– В виде лилии?

– В виде буквы V, – ответил Калиостро. – По-французски «voleuse» означает «воровка». Жанна была вне себя от боли и унижения, в нее будто бес вселился. После плетей она вырвалась из рук палача, и ее силой повалили на помост. Но не смогли удержать, и раскаленное железо угодило вместо плеча на ее грудь. Запахло горелым мясом... графиня лишилась чувств. Полумертвую ее привезли в тюрьму, где она должна была провести остаток своих дней. Ее приговорили к пожизненному заключению. Однако судьба благоволила к интриганке, и ей организовали побег.

– Кто?

– Злые языки твердили, что королеву замучила совесть, и она решила искупить свою вину по отношению к бывшей наперснице.

– Вы думаете иначе?

– Кому-кому, а Марии-Антуанетте было выгодно держать Жанну за решеткой. Ведь на свободе ей рот не закроешь. Графиня скрывалась в Англии и в отместку за свои страдания опубликовала «правду» о скандале с ожерельем, изобилующую самой грязной клеветой. Особо досталось в этих мемуарах королеве Франции. Жанна отвела ей роль недалекой, расточительной, развратной женщины, которая водила за нос не только короля, министров и парламент, но и свой народ. Марии-Антуанетте стало не до шуток. Жанне тоже жилось невесело. Ее искали тайные агенты короля и многочисленные кредиторы. Она боялась ходить по улицам, боялась есть и спать. В любое блюдо ей могли подсыпать отраву, любая прогулка могла стать для нее последней, в любую ночь к ней мог проникнуть убийца и прикончить прямо в постели. Она дошла до того передела, за которым наступает безумие...

Калиостро вдруг умолк, внимательно наблюдая за Глорией своими выпуклыми темными глазами.

– История об ожерелье королевы так полюбилась репортерам и писателям, что вы можете прочитать о приключениях Жанны де Ламотт у незабвенного Дюма-отца, к примеру... или у великолепного Стефана Цвейга в его романе «Мария-Антуанетта», – добавил призрак. – Подробности сего громкого дела уже навязли в зубах. Только ленивый не писал о бесследно исчезнувшем бриллиантовом колье. А вопросов осталось больше, чем ответов.

– Вы хотите раскрыть это преступление с моей помощью? – поразила Глория.

Граф взмахнул кружевными манжетами.

– Милая дама, мне уже все равно, кто виноват и куда подевались камни. Я даже не настаиваю на восстановлении моего доброго имени. Я совершил ошибку, уступив слезным мольбам Лоренцы, и теперь расплачиваюсь.

– Что же привело вас ко мне?

– Любопытство, – огорошил ее призрак. – До меня дошли слухи, что кое-кто опять пытается вытащить на свет божий проклятые алмазы.

Он щелкнул в воздухе пальцами, унизанными драгоценными перстнями, и сердито нахмурился.

Глория усиленно соображала, чего хочет от нее Калиостро.

– Что случилось с Жанной после бегства из тюрьмы? – спросила она.

– Считается, что беглянка в припадке безумия выпала из окна лондонской гостиницы, – пробормотал он после короткой паузы.

– Считается?

– Запись о ее кончине в церковной книге вызвала у меня сомнения, – заявил граф. – Могила графини де Ламотт в Лондоне я не видел.

– Могила еще ничего не доказывает, – заметила Глория.

– Верно. Инсценировать свою смерть – отличный способ исчезнуть. Жанна не первая и не последняя, кто прибегает к нему.

– В любом случае она мертва. С тех пор, как...

Призрак не дал ей договорить.

– Время – всего лишь иллюзия. Вам еще предстоит убедиться в зыбкости иллюзий.

Глория промолчала.

– Вы должны помочь мне, – потребовал Калиостро.

– В чем? В поисках ожерелья?

– Я наложил заклятие на эти камни! – с пафосом воскликнул он.

– Каждого, кто прикоснется к ним, постигнет смерть? – прищурилась Глория. – Рано или поздно она постигнет всех.

– В языке древних египтян, да будет вам известно, не существовало понятия «смерть». Иероглиф, который они использовали для обозначения окончания земного пути, трактуется как «движение на запад». А там, где выход, там обычно и вход. Ха-ха-ха! – рассмеялся граф, довольный своим намеком.

– В чем же тогда смысл вашего заклятия?

– Похвально, – захолопал в ладоши призрак. – Вы умны. Понимаю, почему Агафон выбрал вас в преемницы. Это не комплимент, поверьте. Это – констатация факта.

– Вы знали Агафона?

– Скажем так: мы знакомы...

– Вернемся к заклятию.

– Вы настойчивы, как все представительницы прекрасного пола. Впрочем, вам это идет. Я не так глуп, чтобы заклинять драгоценности смертью. Кого и когда она пугала, если речь шла о большом куше? Я поступил по-другому, – самодовольно заявил Калиостро. – Я наделил ожерелье... *невоспользованностью*.

– Простите? – не поняла Глория.

– Его можно отыскать, им можно завладеть, но им нельзя *воспользоваться*. Вот в чем фокус! – захохотал он. – Эти камни ослепляют. Если кто-нибудь рискнет надеть их, они будут жечь кожу, подобно раскаленным углям. Тот, кто захочет продать их, лишится рассудка. Они так потрясающе хороши, что с ними невозможно расстаться.

Глория задумалась. Господин Калиостро блуждает вокруг да около. Что ему нужно?

– Вы же говорили, что не знаете, где бриллианты, – напомнила она.

– Для заклатья мне не обязательно их видеть или знать, где они находятся. Достаточно вообразить себе предмет, на который накладывается магическая формула, и дело в шляпе!

Глория состроила скептическую мину.

– Вы мне не верите? – огорчился граф. – Хотя чему удивляться? Меня опорочили, навесили ярлык шарлатана. Но вы-то должны понимать, кто перед вами. Признаться, у меня случались неудачи. Однако их было меньше, чем мне приписывают. Я не сумел исцелить всех, кто ко мне обращался, но ведь я не Бог! Многие выздоравливали, отведав моих чудодейственных снадобий. Я сам виноват, взявшись за ремесло лекаря...

Он пустился в рассуждения, которые Глория пропускала мимо ушей. Призрак явился неспроста. Его визит – пролог будущих событий. И события эти связаны с пропавшим более двух веков назад ожерельем.

– Вижу сомнения на вашем прелестном лице! – сокрушался Калиостро. – Разве вы не слышали, как я превратил ржавый гвоздь в отменный стилет? Об этом разболтал стражник из крепости Святого Льва, куда меня заключили гнить заживо. А будучи на свободе, я не испытывал нужды в средствах, хотя никто не мог назвать источник моих доходов. Я не брал с людей денег, а напротив, раздавал их бедным и страждущим. Так что называть меня мошенником несправедливо.

– Выходит, колъе находилось в руках Жанны до самой ее смерти? – выпалила Глория.

Граф замолчал и уставился на нее укоризненным взглядом. Пока он расписывал свои достоинства и способности, дама, похоже, размышляла о другом.

– Я вам не интересен, сударыня?

– Вы пришли за помощью, но не торопитесь объяснить, что от меня требуется.

– Полагаю, ожерелье хранится в надежном месте, – уклонился он от прямого ответа.

– И вы не знаете, где?

– Я устал повторять, что...

– Да, простите! – усмехнулась Глория. – Ваше «всевидящее око» оказалось бессильным.

– Вас тоже подстерегают разочарования на тернистом пути, который вы избрали.

– Скорее, меня избрали, – возразила она.

На это призрак только загадочно улыбнулся.

Глория вдруг сообразила, что Калиостро беседует с ней по-русски.

– Мне подвластна любая речь, на которой изъясняются люди, – объяснил он, догадавшись о причине ее замешательства.

– Не могу похвастаться тем же.

– Это придет, – уверил ее граф. – Век-другой, и вы освоитесь в языках. Это проще, чем кажется.

Глория с сомнением хмыкнула. *Век-другой!..* Легко ему говорить.

– Неужели вы нанесли мне визит, чтобы рассказать о Жанне де Ламотт и пропавших бриллиантах?

– Я столько раз забавлял собеседников сей пикантной историей, что она набила мне оскомину.

Глория молчала, ожидая продолжения.

– Но вам я открою нечто большее, – подмигнул ей призрак. – Алмазы отличаются от всех остальных камней своими волшебными свойствами. Как алхимик скажу вам, что сей камень – самый простой по составу. Мы имеем дело с кристаллическим углеродом, моя дорогая. Однако Плиний³ называет алмаз величайшей ценностью, которой может обладать человек. Как мистик заявляю, что алмаз представляет собой средоточие могущества, заключенное в твердом кристалле.

³ Плиний – (23–24 – 79) римский писатель и ученый.

- Что из этого следует? – не утерпела она.
- «Ожерелье королевы» содержит в себе тайну, которая предопределила судьбу сего дивного украшения...

Глава 10

Глория вдруг «увидела» огромный блестящий камень, оправленный в желтый металл. Он блестел на ладони свирепого правителя с узкими раскосыми глазами и хищной ухмылкой. Правитель долго любовался игрой света, истекающего из сердцевины камня, потом бережно убрал его в серебряную шкатулку.

В роскошном шатре горел масляный светильник, пахло сухими травами и целебным отваром. Правитель сделал глоток, прилег и задумался. Его снедали дурные предчувствия, сердце грызла ноющая боль.

Над шатром раскинула свое звездное покрывало ночь. Было слышно, как перекликаются стражники. А вдалеке, за военным станом, в багровых сполохах костров паслись лошади...

Правитель забылся тяжким неглубоким сном. Он глухо стонал и ворочался на своей твердой постели. Зашипел и погас фитилек светильника, шатер погрузился в душный полумрак. В этом полумраке шевельнулся полог, и внутрь шатра бесшумно скользнула тень. Блеснуло лезвие ножа... Клинок, словно в масло, вошел в ямку под кадыком правителя. Забулькала кровь в его горле... тело дернулось и затихло.

Тень метнулась к шкатулке. Звякнула серебряная крышка... жарко блеснул камень, прежде чем исчезнуть за пазухой убийцы. Тот прошептал слова благодарности Аллаху, выбрался из шатра и растворился в темноте ночи...

– ...алмаз «Эрдэнэ», – услышала Глория и вернулась в беседку.

Она не сразу сообразила, о чем твердит мужчина, одетый по моде восемнадцатого века.

– Это был он, камень, впитавший в себя сияние азиатского солнца и флюиды властителей, которые держали его в своих руках. Реликвия Великих Моголов.

– Великих Моголов? – переспросила Глория.

– Вы где-то витаете, – обиженно протянул Калиостро. – А я тут распинаюсь!

– Я отвлеклась на секундочку, – покаянно призналась она. – Так что за реликвия?

– Алмаз «Эрдэнэ», – терпеливо повторил граф. – Он переходил от одного правителя империи к другому, пока его не похитили. С тех пор он затерялся, но его не переставали искать. Я полагаю, он был расколот на пять частей. Индийские камнерезы отлично умели это делать. Хотя в Европе долго не верили, что алмаз можно расколоть. Каждый осколок огранили и...

Он взмахнул рукой, как будто выбросил что-то в воздух, и добавил:

– ...осколки тоже исчезли!

Глория смотрела на него во все глаза. Смуглая кожа на щеках Калиостро порозовела, будто он был не призраком, а живым человеком.

– Кстати, после раскола камень сохранил все свои магические свойства и продолжал оставаться желанной добычей для тех, кто разбирается в подобных вещах, – с важным видом изрек он.

Глория опять погрузилась в полумрак, только на сей раз это был не шатер, а ювелирная мастерская. Сводчатый потолок, громоздкий деревянный стол, свеча. За столом, склонившись над своей работой, сидит хозяин... Юный подмастерье подносит ему то одно, то другое...

– Не мельтеши, Анри, – сердится ювелир. – Алмазы не любят суеты.

– Да, месье Боссанж...

Глорию осенило, что имеет в виду призрак.

– Постойте! Кажется, я догадалась!

– Неужели? – приподнял брови граф.

– Месье Боссанж, придворный ювелир, приобрел все пять частей «Эрдэнэ» и... вставил их в ожерелье, – взволнованно вымолвила она.

– Я в вас не ошибся, госпожа Голицына. Я знал, к кому прийти.

– Значит, я права?

– Безусловно. У вас светлый ум и потрясающая интуиция. Научитесь доверять ей, и вам цены не будет. Итак! Получив заказ от своего сюзерена, то бишь короля Людовика XV, ювелиры Бомер и Боссанж собирали камни для невиданного по количеству бриллиантов кольца, предназначенного украшать шею мадам Дюбарри. Каким-то образом к ним попал разделенный «Эрдэнэ».

– Боссанж купил, – вставила Глория. – По случаю. Вероятно, он не подозревал, с чем имеет дело. Допускаю даже, что продавец тоже был не в курсе. Неизвестно, каким путем он раздобыл камни. Не исключено, что украл.

– Этого утверждать нельзя, – покачал головой Калиостро. – Возможны варианты. Впрочем, нам-то какая разница?

– Вот именно...

– Хочешь что-то надежно спрятать, положи на видное место, – заявил он. – Избитая формула, которая тем не менее работает. Камни, составляющие «Эрдэнэ», во многом предопределили судьбу ожерелья. Боюсь, афера Жанны де Ламотт имела скрытую подоплеку. Догадайтесь, какую. Как бы там ни было, скандал с бриллиантами выплеснулся из Версаля на парижские улицы... и в итоге стоил Марии-Антуанетте головы. Все, что связано с ожерельем, весьма дурно пахнет.

– Вы решили предупредить меня? – улыбнулась Глория.

– Почему бы нет. Единомышленники должны поддерживать друг друга.

– Вы полагаете, у нас общие взгляды и убеждения?

– Я рассчитываю на это, – серьезно сказал граф. – Старая история всплыла там, где не ждали. Знаете, милая дама... я искал в России рукопись царя Соломона. Но не знаменитое кольцо Дюбарри.

– Удалось обнаружить рукопись?

– Почти. Она покоится где-то в подвалах Ротонды Елагинского дворца⁴... я не успел точно определить место. На моем мистическом сеансе один бедняга тронулся умом, и подвалы приказали засыпать. А меня выслали, если вы помните.

– Почему вы пришли именно ко мне?

– Я сам в некотором роде прорицатель и ясновидец, – скромно потупился Калиостро. – Обязан сообщить, что скоро к вам обратится за помощью человек, который... В общем, будьте осторожны!

– О чем этот человек собирается просить меня?

– Не стоит забегать вперед...

* * *

Застрекотала газонокосилка. Глория повернулась в сторону сада и с досадой окликнула слугу:

– Санта! Дай же нам спокойно поговорить!

Тот, видимо, не услышал и продолжал косить.

Когда она перевела взгляд на Калиостро, на скамье, где он только что сидел, никого не оказалось.

«Он мне привиделся, – мысленно рассудила она. – От скуки».

Карлик стоял в тени яблони и наблюдал за ней.

⁴ Елагинский дворец – летний императорский дворец на Елагине острове в Санкт-Петербурге. В павильоне Ротонда граф Калиостро проводил свои собрания. Во время реставрации в подвале Ротонды были найдены загадочные сосуды, предназначение которых неизвестно.

– Ты создан моим воображением, – разочарованно сказала Глория. – Так же, как граф Калиостро.

– Тебе было приятно с ним познакомиться?

– Мне было интересно...

Великан закончил выкашивать траву и отнес газонокосилку в сарай. Глория зевнула, глядя ему вслед. Она в самом деле заскучала без пищи для ума и тренировки для своих новых способностей. Хоть бы Лавров приехал, что ли, развеселил ее.

За забором, как по команде, раздался настойчивый сигнал автомобиля. Санта торопливо пересек двор и открыл ворота. На проселке стоял запыленный «туарег».

Легкий на помине Роман Лавров прикатил в Черный Лог проведать хозяйку, на чьей фирме он работал начальником охраны.

– Привет! – радостно воскликнул он, шагая навстречу Глории. – Выглядишь великолепно.

Он по-дружески коснулся губами ее щеки. Сколько раз в мечтах он целовал эту молодую женщину как любовник, а не сотрудник! Сбудется ли его мечта?

Глория, несмотря на вдовство, кажется, не нуждается в мужском плече и мужской ласке. Впрочем, Лавров уже подставил ей свое плечо. А вот принимать его ласки вдова не спешила.

Усевшись на теплую от солнца скамейку, начальник охраны принялся жаловаться на притеснения Колбина.

– Загрузил меня под завязку. Проходу не дает! Стоит на полчаса отлучиться из офиса, начинает трезвонить. Хоть сотовый вырубай! Так я же не могу. По службе не положено.

– Он просто ревнует, – улыбнулась Глория.

Тонкое облегающее платье из светлого льна подчеркивает ее красивую фигуру, волосы собраны на затылке, серые с прозеленью глаза блестят. Она посмеивается над ним.

– Колбин хочет жениться на тебе, – выпалил он. – Только не по любви.

– Браки по расчету бывают крепче любовных союзов.

– Ну да, – нервно кивнул Роман. – После смерти твоего мужа акции компании распределились поровну между Колбиным и тобой. Почему бы вам не объединить бизнес?

– Я не собираюсь замуж.

– Это сегодня. А завтра?

– Ты приехал повидаться или по делу?

Лавров никак не мог успокоиться. Между ним и Колбиным разгоралось нешуточное соперничество. Причем компаньон Глории являлся, по сути, первым лицом в компании. Зато вдова явно отдавала предпочтение Лаврову. Фактически она сделала его своим помощником в таком щекотливом деле, как частный сыск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.